

ВАДИМ ТУЛУПОВ

УБИТЬ БОГА

Остросюжетная фантастика

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Викторович Тулупов

Убить бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43370260

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-09651-6

Аннотация

Жуткая, захватывающая история о проникновении на Землю инопланетных захватчиков, предрешённой участи землян и отважных пионерах сопротивления, простых московских студентах – Андрее и Маше, а так же их соратниках по борьбе – профессоре Николае Ивановиче и суровом мастере КГБ товарище Рябинине. Не лишённая глубокого смысла книга. Возьми и почитай... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	36
Глава 7	44
Глава 8	55
Глава 9	63
Глава 10	67
Глава 11	89
Глава 12	93
Глава 13	100
Глава 14	105
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Часть 1

Памяти нашей вселенной посвящается.

Глава 1

Николай Иванович спокойно смотрел вдаль, хотя с лавочки в сквере на Воробьевых даль представляла собой пространство метров 50 до кустов напротив. Однако это несколько не смущало преподавателя кафедры психофизиологии факультета психологии МГУ. Мерно покачивая ботинком в знак солидарности с базовыми ценностями галактики, а именно с её излюбленным возвратно-поступательным принципом, Николай Иванович Запольский ждал.

Полуприкрыв глаза от слепившего солнца, иногда он разглядывал проходящих мимо людей и загадочно улыбался непонятно чему. При этом лицо его выражало собой смесь сострадания и безразличия одновременно. Впрочем, нет, ему не было жаль никого. Только придя к глубокому пониманию этого замечательного чувства, Запольский наконец научился радоваться жизни. Радоваться всему, как ребенок...

Он радовался даже своему плохому настроению, усталости, боли, радовался искренне и восторженно. Неожиданно для самого себя он вдруг стал счастлив. С тех пор мир превратился для него в веселую увлекательную игру. В тот момент ему вдруг не стало жаль и самого себя. Он словно сбросил оковы бытия и стал по-настоящему свободен.

Проснувшись сегодня утром, Николай Иванович долго приходил в себя. Казалось, уже руками расталкивая небытие сна, он наконец-таки обнаружил, что опять является профессором московского университета и пора собираться на работу. И только здесь, на лавочке, он окончательно пришел в себя, слушая, как ветер разговаривает с листвой редких деревьев уютного скверика. Ветер залетал за шиворот рубашки, под отвороты штанов и ему казалось, что он парит в воздухе, как старик Хоттабыч, только вместе с лавкой.

Профессору было все равно, сколько ему лет. По человеческому летоисчислению это скорее означало бы лет 20, но фактически ему уже было два раза по 20, однако для Николая Ивановича время как понятие не существовало. Он жил только сейчас. К психологии как науке он уже давно относился без должного уважения. Лет пять назад Николай почувствовал, как его внутренний человек, его дорогое «Я» начало сбрасывать шкуру, словно змея, оно стало тереть и расчесывать больные места. Профессор не спал ночами, ворочался, искал ответы, а тем временем его любимый теплый кокон, в котором было так уютно, уже трещал по швам.

И вот в один прекрасный момент все рухнуло, привычный мир перестал существовать, но Николай Иванович уже «знал». Его сердце пело от восторга, он пнул остатки своего

былого жилища и почувствовал себя вылупившимся из яйца невиданным существом, может, даже драконом. Ощущение времени растворилось, как туман поутру. Вдруг пришла вечность, неизмеримая и безграничная, её невозможно было описать и охватить. Она холодком и мурашками бежала по телу, вызывая животный восторг.

Профессор увидел свою жизнь с её ценностями, принципами, желаниями, вещами и событиями как бы со стороны и уже не мог поместиться туда обратно. Психология как наука стала видаться ему чем-то вроде клизмы у ветеринара. И в некотором роде профессор даже устыдился того, что он так серьезно относился к ней до этого. Студентам ничего не говорил – пары, семинары, лабораторные – все как обычно. Университетская жизнь стала для него не больше чем игрой... Но и не меньше. Николай будто пришел в песочницу с новой лопаткой. Он не спешил, теперь все стало иначе, и он подумывал, что неплохо бы что-нибудь такое с «этим» сделать.

Глава 2

Андрей спешил. Его плохо заправленная голубая рубашка не была идеально поглажена. Вернее, одного взгляда было достаточно, чтобы понять – молодой человек провел эту ночь, не раздеваясь. А еще вернее, он даже спал не раздеваясь. Точного ответа Андрей не знал, но судя по глубоким предательским складкам на рубашке, он как минимум пытался. «День рожденья Сереги удалось», – шумело в голове.

Несмотря ни на что, настроение было хорошее. Это было простое утреннее студенческое счастье – бежать сломя голову, не думая ни о чем... Бежать, чтобы вовремя успеть к выглаженному, степенному, строгому «преподу», ожидающему его где-то в тихих кабинетах универа. Сегодня, правда, был необычный день, и бежать нужно было в уютный тихий скверик, что неподалеку от смотровой площадки на Воробьевых.

Наступила весна, и уже почти ничто не напоминало о холодной и мокрой московской зиме. Здесь даже в лютый мороз на дорогах жижга да растаявший от реагентов лед. Пришел веселый добрый месяц май, и лишь кое-где затаились небольшие лужицы, а гравий на тропинках еще не стал сухим и пыльным. Город дышал чистым утренним весенним воздухом, пели птицы.

Николай Иванович любил принимать зачеты на свежем воздухе, когда это позволяла ситуация. Вот и сегодня он, не задумываясь, назначил «пересдачу» одному из своих студентов, Андрею Соломатину, на 9-00, а уже в 10-45 ему предстояло читать лекцию. Андрей особого рвения к учению не выказывал, однако иногда довольно охотно беседовал на семинарах, что, безусловно, льстило Николаю. Впрочем, как и любое другое проявление искренней заинтересованности предметом. Еще это означало, что «препод» не заработался до невменяемости, что он не кукла, его уважают, и с ним можно «просто поболтать». Да... И до сего дня Андрей еще был на редкость пунктуален, как и сам Николай Иванович. Они не раз сталкивались нос к носу в дверях аудитории, приходя к уроку практически одновременно.

Дрюня, как попросту звали его друзья, стремглав выбежал из вагона метро и, петляя, чтобы обогнать идущих спереди пассажиров, вихрем понесся вперед, вправо и наискосок вверх по тропинке заказника «Воробьевы горы». Он бежал, бежал, чуть не выронив в непонятно откуда взявшуюся лужу свой реферат на тему «Структура сознания современного человека». Перед глазами у него стояла Машка. Она загоразивала собой дорогу и не отпускала мысли Андрея. Со вчерашнего вечера он четко помнил, что они с Машей долго о чем-то говорили, забившись в уголок огромного Сережи-

ного дивана.

Машка, а точнее Мария Рукавишникова, прославилась среди однокурсников своей необычно странной способностью иногда видеть будущее. Откуда вдруг это знание появлялось, «Рукавичка», как звали ее в компании, не знала. Никто над этим не смеялся, некоторые даже побаивались. Андрюхе же было все равно, он был, как правило, весел, словоохотлив и бессмысленно оптимистичен. Андрюхе Маша нравилась, и он даже решил за ней «приударить». Правда, она училась в параллельной группе, и они еще не были знакомы. А тут как раз Серега со своей «днюхой».

Однако в тот вечер все пошло немного не так. Маша, одевшаяся всегда со вкусом, вчера была особенно красива. Ее строгое серое в коричневую клеточку платье не могло спрятать точеную спортивную фигуру. Золотистые каштановые локоны падали ей на плечи. И её глаза... Огромные, открытые зеленые глаза девушки в тот вечер как будто не замечали больше никого за столом. В тот вечер она смотрела только на него. Андрей шутил, балагурил, танцевал, смеялся, пил шампанское, а Маша сидела напротив за столом и молча смотрела на него. Только на него...

Было что-то неземное и странное в этом взгляде. Внимание такой девчонки... Однако Андрюха знал себе цену, он

не был бабником и никогда никуда не спешил. И тут его будто подменили. В какой-то момент он понял, что тоже замолчал и тоже смотрит только на неё. Вдруг он почувствовал какую-то незримую связь. «Что это?» – мелькнуло в голове. Андрею знания не требовались. Он встал и подошел.

Глава 3

– Классно выглядишь, Маша... эти клетки сводят меня с ума, – сказал Андрей, совсем не солгав.

– Ваши речи очень льстят мне... «Привет, Андрей!» – весело улыбнулась Машка, подразнив его словами одной известной песни. Но тут же посерьезнев, встала и взяла парня за руку: «Пойдем, надо поговорить!»

Её платье серой птичкой порхнуло мимо стола, и уже через минуту они вдвоем с Андрюхой сидели на диване. Народу у Сереги в тот вечер было много, но наступил как раз такой момент, когда все разговоры сливаются в один равномерный гул, никто никого не зовет к столу, тосты сказаны, напитки наполовину выпиты, никто никого не напрягает, и границы непонимания окончательно разрушены. Шум разговоров то тихо нарастал, то спадал, и стало совсем похоже, что это шумит прибой и что ребята остались совершенно одни на берегу бескрайнего моря.

Казалось, жизнь кипела где-то далеко-далеко, а здесь был самый спокойный уголок на земле.

– Андрюш, я должна тебя кое о чем предупредить...

И тут парнишка вспомнил о недавних ощущениях, когда они смотрели друг на друга. В тот момент казалось, что воз-

дух между ними можно было потрогать рукой, и что он связан с Машей тысячами невидимых нитей. И еще то тревожное чувство, что на миг охватило его... Но Андрей Солома-тин «не такой» пацан, который принимает в расчет непонятно что. «Мир будет таким, каким я захочу», – всегда с вызовом думал парень. – «И если я не хочу переживать, никто меня не заставит». А переживать не хотелось, ведь жизнь – классная штука. Особенно когда рядом с тобой красивая де-вушка.

– Подожди, сейчас отключу суперспособности, а то зна-ешь, когда я супермен, со мной бывает тяжело, – пошутил он, но девчонка улыбнулась едва заметно.

– Ты лучше их включи, а то вообще ничего не поймешь, – быстро и взволнованно заговорила Машка, – ты ведь завтра утром идешь «хвост» сдавать по психологии... к Запольско-му Николай Ивановичу?

– Ну, да, нормальный вроде мужик, по пустякам не «ва-лит», че ж не сходить, откуда только ты знаешь? Я столько сегодня не пил, чтоб не помнить, что не говорил об этом. Или ты его тайный агент? Прокралась под видом смазливой девчонки и хочешь узнать, готовлюсь ли я к сдаче? Хахаха! – начал было паясничать Андрей, чтоб подбодрить Машу, но не тут-то было – действие оказалось обратным. Мария Рука-вишникова вдруг всхлипнула, и по ее красивой щеке пока-тилась слезинка.

– Просто не ходи туда, Андрей. Не ходи туда.

– Машенька, да что же это такое, ну если надо, то и не пойду, ты, главное, не плачь, – серьезно сказал Андрей и слегка обнял девушку. – Ты знаешь, какой я: если надо, на меня вообще можно положиться... Целиком, – шутливо продолжал он.

Но это была суцая правда. Андрей был воспитан честным, хорошим парнем.

– Ты знаешь, давай выкладывай свои аргументы, посидим, спокойно взвесим, окейно? Маш, ну Маш, – широко и по-доброму улыбнулся пацан.

– Ладно, я просто иногда вижу, знаешь, иногда... и в общем, ну это как бы сбывается, слышишь... ну, скажем, практически все, ну, то есть, вообще все. Понимаешь? – скороговоркой бормотала Маша, – а сегодня я посмотрела на тебя... мы ведь не знакомы толком, да, но у меня такое чувство, что мы были всегда знакомы, но не в этом дело, – девушка замолчала, очевидно, подбирая слова.

– Знаешь... Николай Иванович тебя убьет, прямо там. Здоровенной палкой, – выпалила, наконец, она.

– Да ну на фиг, Маш! – оторопело выдохнул Андрюха. Он старался слушать серьезно, но не до такой же степени! – Ну ты даешь! – Может, мне в полицию пора звонить? Спецназ в кустах, а мне дадут свисток зеленый, – ошалело и бессмысленно продолжал шутить парень. Сознание, очевидно, было

не готово к такому повороту.

– Андрюш, и это... не все, – как-то тихо и сдавленно произнесла Маша.

– Как не все? Вот сейчас я вообще не понял, – судорожно и недоуменно пожал плечами Андрей.

– Андрей, я не то чтобы вижу, вроде как чувствую всем телом, понимаешь? Как будто я плыву в океане – вверх-вниз... волна приходит и уходит, и тогда становится видно. Волнами, понимаешь? – очевидно, старалась объяснить Машенька.

– И вот я вижу, как вертолет падает на лужайку, скрежет, взрыв, обломки летят, всюду крики, мост через Москву-реку обрушивается, и поезд метро летит вниз, лязг, дым, sireны, машины вдребезги, здание МГУ разваливается, люди бегут, – быстро лепетала девушка, – ты меня слушаешь, Андрей?

Молчание... Андрей Соломатин завис. Он не знал, как реагировать. Просто не знал, что вообще говорить. Признаков помешательства у Марии он не видел. «Ну, и как верить этому? Ну, знаете ли...», – тарабанила в голове отказывающая логика. Он сидел, не шевелясь, и молчал.

– И все, что ты рассказываешь, стало быть, будет завтра? Во сколько? В 9-00? – собравшись наконец с духом, спросил

он.

– Да, Андрюш, – она легонько тронула его за плечо и тихо-тихо, еле слышно произнесла, – и... ты знаешь, это...

– Что, опять не все? – уставший, уже слегка с издевкой спросил Андрюха.

Молчание, казалось, повисло свинцом.

– Да. И у меня такое чувство, что ты... – замялась девчонка, – будешь во всем виноват.

– Все, пошли пить, – как-то спокойно сказал Андрюха, – пошли пить. И чуть покачнувшись, потащил Машу к столу.

Про себя Андрей Соломатин просто решил принять решение утром. А на самом деле он знал, что все равно пойдет.

Глава 4

Уже почти поднявшись на самый верх склона, Андрей обратил внимание на маленькую черненькую в крапинку птичку. Она высунула свою махонькую головку из дупла и, открыв во всю ширь желтенький клювик, издала пронзительный свистящий звук. Тут же проворно села на ветку и уставилась на парнишку. А парнишка Андрюша, остановившись от неожиданности, уставился на птичку. Тихонько он подошел ближе, но птица не улетала. «Ну вот, «скворцы прилетели», – подумал студент. И был совершенно прав. Обладая нешуточной и мгновенной фантазией, он вдруг представил, что скворец – это он, Андрей, а сам Андрей – это Николай Иванович Запольский.

– Ну что? Прилетел наконец, чернявый? – спросил мысленно профессор Запольский.

– Я, товарищ профессор, могу не токмо летать, но еще и свист издавать, почти как скрежет металла, да... Могу разломать Лужнецкий метромост, МГУ, или там вертолет поймать в лапки и на землю шмякнуть. А вообще, товарищ-господин профессор, вы, я слышал, планируете спасти от меня, так сказать, мир. Ну, типа, палкой меня окучить и в заоблачную даль отправить без компаса, правда это, нет?

– А как же, Соломатин, – отвечал Андрей, подражая го-

лосу Запольского, – ежели вы сейчас мне реферат не защитите свой, то просто не оставите мне выбора. Я как честный преподаватель и вообще хороший человек, вас ухандокаю. Березу для этого с корнем вырву молоденькую и по сельсовету вашему пройду, вроде как по Питерской. А Вы, вместо того, чтобы скорей отчитаться по задолженности и свалить подобра-поздорову, разговариваете со скворцами... – опомнившись и придя в себя, сказал вслух Андрей, схватил ноги в руки и побежал со всей прыти наверх.

Птица же, открывшая было в недоумении рот при виде беседующего с ней «школьника», так и осталась сидеть на ветке. И её дальнейшее участие в нашей истории осталось неизвестно.

Выбежав наконец из чащи, Андрей с разбегу окунулся в слепящий солнечный свет. Он зажмурился, ему захотелось чихать, и слезы оросили его молодецкие щеки. Все наваждение Машкиных предсказаний испарилось, как утренний туман. Навстречу ему попадались бегущие и красиво одетые в спортивные костюмы девчонки, неспешно прогуливались без дела непонятные люди. «Что они тут делают, интересно, – подумал Андрей, – кто они вообще такие, чем занимаются?». Соломатин всегда и без особого стеснения разглядывал людей и строил догадки. Это было интересно.

Тем временем Николай Иванович тоже проводил время, разглядывая посетителей центра культуры и отдыха «Скверик на Воробьевых» – так он мысленно называл довольно пустынное и безлюдное место, охваченное густыми стриженными кустами. Это была университетская площадь, что тянулась от смотровой площадки до самого МГУ. Фантазии Иванычу тоже хватало, но люди были и без того чудны. Это он знал и как преподаватель психологии, и как всякий, случайно озаренный сей гениальной догадкой наблюдатель. Всего таких предметов наблюдения было три. Дама с собачкой-болонкой неспешно прогуливалась промеж газончиков. Мужичок азиатской внешности в зеленом полосатом костюме с черной козлиной бородкой и старомодным портфелем на лавке напротив читал газету. И еще две студентки щебетали на лавке справа метрах в десяти от него.

Для себя девчонок-студенток Иваныч определил, как одно целое. Это существо шевелило восемь конечностями и, по сути, являлось живым воплощением Будды, всегда означавшим для профессора самодостаточность. Слышно было, как ручеек их беседы мерно журчал и звучанием своим словно воскрешал бивший здесь давным-давно неподалеку от реки Кровянки родник. Давным-давно здесь – у древнего села Воробьево – была излюбленная резиденция русских царей, кипела суeta великокняжеского двора. А сегодняшним солнечным утром здесь не было практически никого. Шум горо-

да почти не залетал сюда, лишь изредка с грохотом или гудением проносились машины по Университетскому проспекту, что для городского жителя означало практически полную тишину.

Собака, породу которой Запольский определил, как «болонка», выглядела вполне смышленной, в отличие от своей хозяйки. Доброе белое животное семенило от клумбы к клумбе и пускало маленькие смешные фонтанчики на все, что было в пределах его досягаемости. Зоной ответственности смешной собачонки мог стать и Запольский, если бы не упрямый ремешок хозяйки. «Фу, фу!», – прикрикивала дама на своего питомца каждый раз, когда они проходили мимо, из чего профессор сделал совершенно недвусмысленный вывод о том, чем считала его эта леди. Какашкой. И потому Иваныч вынес неутешительный для дамы вердикт – «глупая дура».

Профессор давно заметил довольно странную атмосферу, царившую здесь, в «Скверике на Воробьевых». Место, несмотря на известную смотровую площадку, очень пустынное. Прямо скажем, фактически здесь нет ничего интересного – обычные зеленые кусты, асфальт, панорама Москвы за «Лужей» – стадионом Лужники на противоположном берегу Москвы-реки – и, конечно, возвышающееся в километре от «смотровой» основное здание МГУ. Но ничто здесь не да-

ет душе уюта и спокойствия. Здесь ощущается какое-то тревожное ожидание, и манящая неизвестность обволакивает тебя нитями судьбы. Здесь ощущаешь себя, как перед экзаменом у неумолимого и требовательного, чудаковатого, хотя порою и в доску своего преподавателя.

Даже маленькая старая Троицкая церковь приютилась как-то сбоку и поодаль на самой кромке склона заказника, словно прячась от невидимых неистовствующих космических лучей, что нескончаемо пронизывают здесь землю. Площадка на Воробьевых словно парит не только над городом Москвой, но в мировом космическом океане бытия, в открытой всем ветрам бесконечной мультивселенной. Приходя сюда, чувствуешь себя совершенно голым, незащищенным и целиком предоставленным воле всемогущих сил природы.

С далекого 1453 года стоявшее здесь на «Воробьевых кручах» село Воробьево стало великокняжеской вотчиной и любимой резиденцией русских царей. Здесь стоял и не раз перестраивался до самого XVIII века огромный Воробьевский дворец. С течением времени это место было заброшено, и окончательно деревянные хоромы сгорели в грандиозном пожаре 1812 года. И вот спустя еще двести лет именно здесь в 1948 году и началось строительство храма науки – Московского университета, символа просвещения и неиз-

бежности образования.

Тем временем полосатый мужик на лавке напротив громко кашлянул, с хрустом скомкал газету и с размаху бросил её в урну, что, благо, была рядом. Этим своим диким броском дядька бесповоротно вывел Запольского из транса сочленения с вечностью, и, гордо выпятив подбородок, уставился на преподавателя. Николай Иванович направил спокойный, небрежный взгляд на сверхновую «звезду» посиделок и безразлично отвел глаза в сторону. «Еще одним идиотом больше... Наверно, что-то о добром-вечном почитал, – подумал он. – Если быть точным, то здесь, на этом прекрасном бульваре, нормальных людей и нет». Себя профессор не относил ни к кому, и это «ни к кому» давно стало для него самым настоящим осязаемым типом. «Может, наконец-то хоть бы Соломатин что ли уже подошел...».

Полосатый мужичина вдруг как-то натужно крикнул, вскочил, и, бросив негодующий взгляд на профессора, быстро засеменял к выходу из окруженной зеленой изгородью зоны отдыха. Видимо, гражданин вообще имел привычку ненавидеть всех подряд. Мысленно проводив покидающего прекрасный уголок природы отдыхающего, Иваныч сочувственно посмотрел ему вслед и пожелал разного хорошего на всякий случай. Но тут же, как опытный учитель, заметивший ошибку, да и вообще, как просто, внимательный человек, За-

польский усталился на забытый джентльменом на лавке старый портфель. «Террорист, не иначе, потому и злой такой», – резюмировал он.

Не успев принять окончательное решение по поводу оставленной «авоськи с бомбой», боковым зрением Николай Иванович поймал летящего на всех парах, в облаке нестабильных кварков, Андрюху Соломатина. Тот, влетев в сквер, даже не замедлил скорость, как водится, чтобы принять благообразный вид – спасти ситуацию уже могло только везение или хорошее настроение педагога. В погоне за временем у него совсем вылетел из головы весь бессмысленный кошмар Машкиных прорицаний. Сердце бешено стучало, рубашка прилипла к спине от пота, дышал парнишка, как загнанная лошадь. «Дрюня» плюхнулся на лавку рядом с Запольским и не нашел ничего лучше, как сказать: «Здр...равствуйте, Ни...кол...ай И...ванович».

Глава 5

Посмотрев на преподавателя, Андрей сразу успокоился – Николай Иванович не выказывал никакого видимого беспокойства насчет его опоздания. Напротив, учитель внимательно и слегка щурясь, разглядывал что-то на противоположной стороне сквера. Пользуясь предоставленной передышкой, Андрюха достал из кармана штанов краешек телефона и украдкой глянул на экран. Когда он уже мчался мимо смотровой площадки, кто-то звонил – это была Машка. «Ах да, Машка, точно...», – в голове мигом пронесся вчерашний разговор. И тут вся серьезность ситуации волной нахлынула на открытого и чистого душой паренька.

Соломатин, несмотря на свою порой бесшабашную решимость, знал, что такое осторожность, и при необходимости умел уворачиваться от ударов судьбы, правда, часто в последний момент. И сейчас, похоже, это умение ему бы не помешало. Если, конечно, предсказания Маши не были плодом её фантазии. В глубине души Андрей искренне не верил ни в бога, ни в черта и, более того, ему, как любому хорошему человеку, было откровенно наплевать, есть они или нет. Он верил в друзей, метрополитен и часы на руке, и еще он верил, что успеет в жизни все, что захочет, и даже может не спешить.

Андрей решил осмотреться на предмет наличия орудия собственного убийства – той самой описанной девушкой палки. Парень перевел взгляд на клумбу напротив, и у него тревожно забилося сердце. Прямо перед ними ровным рядом росли саженцы каких-то хвойных деревьев. То ли это туя, то ли можжевельник, парень не знал, но не это уже занимало Соломатина. Эти еще относительно тонюсенькие маленькие деревья были подвязаны к высоким, толстым, вбитым в землю кольям. «Да ну нафиг!» – вслух вырвалось у Андрюхи. Он мельком глянул на профессора, не собирается ли тот уже идти выдирать эти палки, вернее, палку...

В этот момент учитель, не обращая внимания на своего странно напрягшегося и сжавшегося в комок студента, встал, и, поправив пиджак в синюю клеточку, строго сказал:

– Ждите здесь, Соломатин.

Оптимизма это явно не добавляло. «Может, убежать к чертям собачьим? – пронеслось в голове Андрюхи, – на всякий случай...» Но профессор уже легкой трусцой пересек сквер в направлении выхода, миновав злополучные кольца и даже не взглянув на них. Учитель первоначально хотел проигнорировать лежащую «авоську» злобного незнакомца, но, немного помедлив, побежал-таки догонять этого мужика. Оставленный же отдыхать на весеннем солнышке, Андрюха тоже заметил лежащую ничейную сумку.

Сумки не были слабостью парня, он не любил ручную кладь, потому смотрел на сей предмет без должного уважения. Издалека бросались в глаза две большие блестящие железные защелки – они играли на солнце, пуская сверкающие лучики. Андрюха бессмысленно уставился на эти самые железки, и вдруг тишину утреннего покоя пронзил какой-то низкий шипяще-дребезжащий звук, а затем яркая вспышка света, вырвавшаяся прямо из левой пряжки портфеля, на миг ослепила парня. Тело слегка тряхнуло, как будто Андрей сунул пальцы в розетку, побежали мурашки и даже волосы чуть вздыбились, но тут же вместе со звуковой волной эти странные ощущения улетели прочь.

«Что за черт», – чертыхнулся Соломатин. Только он успел протереть кулаками глаза, как рядом с ничейным портфелем уже откуда ни возьмись появился мужчина в зеленом полосатом костюме. Мужик сразу не понравился Андрюхе, только не было понятно, что в нем не так. Внезапное появление дядьки озадачило парня, однако не так уж сильно: «Мало ли, может, спортсмен, к примеру, разрядник... А в костюме, потому что скоро на работу...». Не все вязалось в этой версии происходящего, но за уши притянуть было можно. И вдруг дикая, необъяснимая догадка ошеломила парня. Мужик вообще не двигался – вот что не так.

Полы пиджака, отвороты брюк, рыжеватые волосы – все чуть колыхалось от легкого ветерка, но мужик сидел как истукан. Глаза его не моргая смотрели прямо перед собой, но будто не видели ничего. Мужчина же не двигался совсем, ни один мускул не шевелился на лице этого человека, и казалось, он был целиком изваян из белого камня. Андрей растерялся, сознание не предлагало ни одного хорошего объяснения. Хотелось уже, чтобы мужик пошевелился, но вместо этого в сердце парня стал закрадываться первобытный животный страх.

И тут, вместо того, чтобы успокоить парня, мужик стал «рябить», словно старый телевизор, частично расплываться и морщиться. «Да, по ходу я перегрелся, солнце-то палит – чай, не зима» – вздохнул про себя студент. Что еще можно было предположить? Он отвернулся в сторону, надеясь, что дядька за это время окончательно исчезнет. Андрюха закрыл глаза, послушал, как шумит листва, как тявкает собачонка за кустами, как «трепятся» недалеко две девчонки-болтушки, потом запрокинул голову и глянул на бегущие небольшие облачка. Посидел так минутку... и скосил взгляд на лавку с портфелем.

Нет, полосатый мужик никуда не исчез и, более того, перестал «рябить». Его идиотский зеленый в белую вертикальную полосу костюм стал как-то ярче и живее, а в щеках про-

явился румянец. Отсюда было видно не очень отчетливо, но мраморная белизна кожи ушла, и что самое неприятное, тот по-прежнему не шевелился. То есть абсолютно.

«Да, похоже, у меня крыша съехала совсем, меньше надо пить, – с неохотой резюмировало сознание Соломатина, – и Машка мне ничего не рассказывала... И мужик сейчас не рябил, не морщился. Сидит себе не дергается – это что, преступление? Скорей бы Николай Иванович уже вернулся... Куда он побежал-то?»

Реальность стала эфемерна, как предрассветный туман. Вместе с мерцающим гражданином пропало точное понимание происходящего вокруг. То, что все ощущения Андрея были лишь плодом его случайных фантазий, бредом хорошо отдохнувшего вчера мозга, тоже было лишь предположением, как и то, что мужчина был по-настоящему реален. Соломатин почувствовал тяжелую внутреннюю борьбу, его сущность раздвоилась, и никто из сторон не хотел мира. Каждый хотел быть прав единолично и низвергнуть соперника, заставив его при этом отречься от претензий на бытие и уйти в призрачный эфемерный мир снов.

Выход был один – встать, подойти к неподвижному истукану и прямо спросить: «Кто ты, чувак? Сделай выбор – убей одного из этих типов внутри. Они заклятые непримиримые враги, и одному из них не место в этом прекрасном мире...»

Прошло каких-то пару минут, но для Андрея Соломатина время стало вязким, как жевательная резинка – оно стало тянуться бесконечными тяжелыми шажками. Откуда ни возьмись здесь, в сквере вдруг стало два Соломатиных, два паренька, и им было тесно внутри. «Иди же уже», – кричал каждый, – иди и убей самозванца». И Андрюха начал медленно вставать – а что ему оставалось... Перешагнув свои страхи, парень не спеша поднялся с лавочки. Но тут в скверик быстрым торопливым шагом зашли, нет, забежали два человека.

Одним из них был профессор Запольский. Второй, скажем так, был очень некстати. Андрей бросил на него взгляд, нервно вздрогнул и осел обратно на лавку. Вторым вошедшим в сквер человеком был... тот же мужик в зеленом полосатом костюме. Только этот «зеленый» как-то более выгодно отличался от сидящего на лавке. Лицо было более человеческое что ли – оно нервно подергивалось. Мужик семенил рядом с Николаем Ивановичем и чертыхался в полголоса.

«Ладно, посмотрим, ребята... Доброе утро, продолжайте...», – сказал про себя Соломатин и широко тупо улыбнулся.

Между тем профессор, честно выполнив миссию добропорядочного гражданина, сменил траекторию и стал пово-

рачивать, отдаляясь от спутника-растеряхи. Однако боковым зрением Николай Иванович тоже заметил-таки чертова двойника на лавке. Учитель еще продолжал идти по направлению к Андрюхе, но голова его была повернута, как на параде войск, строго налево – на этих странных одинаковых людей. Так он шествовал секунд десять, покуда не остановился как вкопанный.

– Эй, ребята, – недолго думая, весело и бесцеремонно крикнул он, – ну, вы блин даете... Портфель-то как будете делить?

А портфель и правда был один. Мужиков два, портфель один. Профессор остановился и уставился на одинаковых дядек. Уставился на дядек Андрюха. И взявшаяся откуда-то дама с собачкой тоже остановилась поодаль и уставилась на них. Только песик что-то не гавкал и даже как-то боком спрятался за хозяйку. Повисла тишина, слышно было только, как недалече щебетали на лавочке две девчонки. Им не было ни до кого дела. Прошло не более трех секунд, как шедший с профессором один из странных мужчин (тот, что выглядел более живо), добрался-таки до лавчонки со своим двойником-привидением. Лицо его вытянулось, потом скривилось, опять вытянулось, рот открылся, язык вывалился, рука, потянувшаяся было за сумкой, судорожно застыла в воздухе.

Тело же самозванца в этот момент еле уловимо дрогну-

ло. Почти незаметным движением правой руки он не глядя схватил сумку и размашистым театральным жестом бросил ее в сторону Николая Ивановича. Портфель поддался легко. Казалось, ему всегда хотелось летать, и он, обрадовавшись наконец предоставленной возможности, кувыркаясь парил в воздухе, наслаждался полетом и всем мирозданием так, как собственно, и принято делать в таких случаях. Но всякому ликованию рано или поздно приходит конец – портфель воткнулся носом в землю, повалился набок и застыл в одном метре от ног профессора.

Звали самозванца Загдир. Его личный номер был примерно равен делению 3 на 17. И недаром вид его вызывал невольный трепет. Загдир не был уроженцем этих мест. В иерархической градации темного мира Уджа-Гаара личный номер означал степень фактических полномочий и право их физического использования. Использование всего могущества безграничного мира Уджа в пределах $0,17647\dots$ доли единицы. Сам Загдир никогда не встречал более могущественных, чем он сам, «проводников», лишь только слышал когда-то в далеком детстве, что в особых случаях доля полномочий доходила аж почти до 0,3 целых. Это была чудовищная сила.

– Ты чего вытворяешь, козел? – выпучив глаза, орал на него какой-то нервный человек, видимо хозяин кожаного

свертка, – кто ты такой, мать твою? – не унимался землянин в зелено-полосатой униформе. В целом вид его был жалок и смешон. Никакой реальной агрессии Загдир не чувствовал.

– Привет, туземец, – выпав из оцепенения трансформации, произнес Зак (так звала его мама в детстве, когда он лежал, свернувшись в потоках темного ветра). Она ласково потрепала его за плечо, и как раз в этот момент «проводник», слегка кашлянув, очнулся. Очнулся здесь, на вверенном ему участке дежурства – потенциально пригодной для возникновения разумных существ планете.

Жалость не была его слабостью. Покрутив головой, Загдир с удивлением отметил, что практически все немногочисленные присутствующие здесь человечки смотрят прямо на него. Впрочем, это уже не имело значения. Кто-то из них был «виновен».

И Зак ударил... Ударил без замаха, слегка качнув плечом влево, и тут же тяжелая и протяжная ударная волна ринулась в сторону высотки МГУ. Нижние этажи университета в мгновение ока были стерты в пыль, и вся громада со скрежетом и грохотом стала осыпаться вниз, этаж за этажом поднимая клубы пыли.

Загдир резко вытянул правую руку в сторону реки и, растопырив пальцы, будто что-то схватил, сжал кулак и дернул. Со стороны Лужнецкого моста раздался лязг рвущего-

ся искореженного металла, и в небо высоко-высоко взметнулась синей змеей подброшенная невидимой силой электричка. Медленно извиваясь, она летела прямо сюда, на смотровую площадку. И вот уже вагоны тяжело и с размаху с хрустом вонзились в землю на склоне, одним краем дотянув до самого верха – до смотровой площадки. Крики и хаос наполнили спокойное до того солнечное утро.

Все это происходило, как в замедленном сюрреалистическом фильме. Где-то там за кустами сквера уже носились обезумевшие от ужаса люди, а здесь внутри царила нелепая тишина. Никто не смел пошевелиться. Все необъяснимым образом понимали, кто режиссер и постановщик происходящего. И в этот момент где-то рядом на улице Косыгина завывала приближающаяся сирена. Резкий прерывистый звук словно пробудил обитателей скверика, и дама с собачкой бросилась было наутек. Но та же невидимая рука пришельца легко сдернула приближающуюся пожарную машину с дороги. Та, еще прибавив скорости и протаранив кусты, завывая сиреной и громыхая тяжелым железным телом, кубарем прокатилась по скверу, споткнувшись о фонарный столб еще в самом его начале. Огромная красная машина буквально смела и профессора, и чудаковатого южанина в зеленом костюме, и даму с собачкой, и девчонок-болтушек...

Андрей остался один. Один на один с этой тварью. В

прищуренных глазах Соломатина холодным диким блеском сверкнула ненависть.

– Эй ты, урод, подойди сюда! – презрительно крикнул парень.

Пришельца не нужно было просить дважды. Загдир легко встал, потянул плечи, словно осваиваясь в новом теле, и не спеша двинулся прямо через клумбу к Андрею. И лишь перешагивая через бездыханное тело рыжего мужчины, Зак заметил, чьё обличие он принял при трансформации. Его чувство прекрасного было жестоко поругано, и потому на лице появилась неярко выраженная, но вполне очевидная гримаса отвращения. Пришельцу не было нужды приближаться, чтобы убить Андрея, он лишь инстинктивно захотел показать свое искреннее расположение к этому смелому маленькому человеку. Но не более того.

– Хорошо, приятель, я уже здесь, – спокойно сказал Загдир издали, но не повышая голоса.

В этот момент уже обезумевший от ярости Андрей волком прыгнул вперед навстречу врагу. Где-то в вышине послышался мерный гул – к Воробьевым от «Лужи» приближался вертолет. Пришелец дернул рукой, и, словно поймав комара в воздухе, бросил «вертушку» на землю. Машина стремительно пронеслась прямо над головой Андрюхи, едва не задев его рубящими воздух лопастями, и, рухнув метрах в

пятидесяти, взорвалась, поднимая к небу густые клубы черного дыма. Соломатина оглушило взрывной волной, он споткнулся и нелепо растянулся прямо под ногами пришельца.

Загдир же, казалось, мало интересовался происходящим. Заметив под своими ногами лежащую в траве красивую железную авторучку, он поднял её. Это была ручка Николая Ивановича. Он поднял ее, любовался и вставил в нагрудный карман пиджака. Слегка «зарябил» и тут же принял образ профессора. И вот уже новоиспеченный «Николай Иванович» вырвал из клумбы тот самый злополучный кол и наотмашь ударил по голове начавшего было подниматься с земли Соломатина.

– Андрей!!! – эхом разнесся по скверу девичий крик. Это была Машка.

Она бежала к Андрею... Что могла сделать эта маленькая хрупкая девчонка? Слезы блестели на её щеках, а белое с золотом платье делало ее похожей на добрую сказочную фею.

Загдир молча посмотрел на девушку, и какая-то тупая усталость вдруг навалилась на него. Он отвернулся, чертыхнулся на своем темном языке и побрел в сторону реку.

Новейший прибор, датчик связанного разума, молчал, оставляя «проводника» в неведении, что делать дальше...

Глава 6

Пришелец шел не спеша, не обращая внимания на визжащих, бегающих людей. Он подошел к обрыву смотровой площадки и с интересом посмотрел на панораму Москвы. Сколько лет его не было...

Впервые он прилетел сюда в далеком 1547 году. Тогда... в июне месяце, он стоял здесь с русским царем Иваном IV Грозным, наблюдая, как горит Москва – это был великий московский пожар. Царь Иван считал себя виновным в происходящем бедствии, а Загдир не стал его переубеждать. Какая разница, что думал этот человек, решил тогда «проводник». Дело было сделано, и вернуть ничего было нельзя. Народные бунты, начавшиеся сразу после огромного пожара 21 июня, требовали расправы над царской родней. По Москве поползли слухи, будто город спалили колдовством, а виной всему была ближайшая царская родня – Глинские. Однако, как только опасность миновала, царь приказал схватить главных зачинщиков и казнить.

Второй раз Зак сжег Москву в 1812 году. В то время была война, и жители её все списали на французов. Руководство, которому напрямую подчинялся «проводник», считало, что если нет возможности точно определить источник

«связанного разума», значит, нужно бы совсем освободить это «опасное место» от людей. Пускай живут где-нибудь еще. Здесь же уже второй раз срабатывал датчик превышения фона «связи». Но в обоих случаях везло. Спалив каждый раз столицу лишь частично, и запросив у шефа повторное сканирование, он видел, что сигнал тревоги пропадал. То ли тогда помогли полумеры, то ли это были случайные флуктуации фона, неизвестно. Однако, отправляясь в очередной раз домой и, вдоволь наслушавшись там споров насчет правильности своих действий, Зак неизменно получал непродолжительный отпуск и благодарность лично от начальника «Инспекции» за хороший результат. Результат всегда был решающим и исчерпывающим ответом любым недоброжелателям. Цивилизация мира Уджа-Гаара была прагматична.

Сегодня все обстояло иначе. Великим научным сообществом темного мира был синтезирован новый, невиданный доселе прибор... Он представлял собой вершину технического воплощения, мощи и разума бесчисленного множества вселенных империи – «Крудак ди 8 Спаситель». В эпицентре его действия концентрация энергии достигала 8-ки по 10-бальной шкале контроля событий.

«Вот и посмотрим, че будет», – прошептал, умышленно кривя губами, Зак и, вежливо пропустив мимо себя какую-то визжащую толстую тетку, пошагал вниз по склону.

Он шел, не оглядываясь и не обращая внимания на суетившихся, кричащих людей. Зак не признавал страдание как сущность, в его мире не принято было обращать внимание на эмоциональную окраску событий. У «них» это было все равно, что подглядывать в замочную скважину – некрасиво. Согласно этикету, воспитанный и порядочный «инопланетянин» не должен показывать, что видит ваши эмоции и чувства – они считались запретной и очень личной, интимной частью жизни каждого достойного гражданина империи Уджа.

Здесь же, в этом никчемном мире, было принято выставить все напоказ, дико орать, размахивать руками, заставлять друг друга улыбаться. Чувства землян не были неприкосновенной собственностью, а были разменной монетой для политиков, проходимцев и негодяев всех мастей.

Зак был в курсе многих вещей, какие происходят на земле, и знания эти ему не нравились. Отвратительные, дикие, ущербные создания, считающие себя если не центром мироздания, то уж его лучшей частью точно, вершиной эволюции. Свое благосостояние они отождествляют не с чем иным, как с вселенским «добром». Ни грамма иронии, тупые никчемные фанатики собственных представлений о мире.

Пришелец, погруженный в свои мысли, незаметно для себя миновал лесистую часть заказника и вывалился на залившую солнцем набережную. Яркий солнечный свет ударил в глаза.

– Здравствуйте, Николай Иванович, – донеслось откуда-то сбоку, – вы же должны были быть там... – сдавленно, почти шепотом продолжил какой-то незнакомый юнец, указывая пальцем туда, где еще недавно красовалась высотка МГУ.

– Прочь с дороги, тупой ублюдок, – спокойно резюмировал Зак, вырванный из своих размышлений. Он догадался, что мальчонка узнал в нем профессора, но вступать в разговор не хотелось. У него на родине считалось нормой называть все своими именами, и это не было оскорблением, а то, что дикие обитатели этой планеты погрязли в лицемерии, не его дело.

Мальчонка ошеломленно открыл рот и отступил в сторону, пропуская профессора. Инопланетянин же, отвесив небольшой поклон в благодарность, не заставил себя ждать и двинулся к воде. Москва-река была как всегда спокойна и чиста. «Чистая» в понимании инопланетянина значило «постоянно обновляемая». Не нетронутая, как считалось в этих ущербных местах, а именно вечно обновляемая и непрерывно рождающая сама себя стихия. Это всегда успокаивало и повергало в смиренный трепет чувства пришельца. Каждый раз, приходя в этот мир, Зак шел к реке, его манила темная

бегущая вода. Тянула и манила к себе...

Не спеша, наслаждаясь каждым мгновением, томно закатив глаза, пришелец погрузился в мутную бегущую материю. Квадриллионы атомов воды кружили и перемешивались с другими в бесчисленные дециллионы, создавали вигинтиллионы стаек и журчали, обтекая тело «профессора». Он чувствовал все их, он мог контролировать их движение, но не делал этого.

В эти минуты он становился самой рекой, своенравной и великой сущностью, чувствовал своим обнаженным телом каждый изгиб берега, каждую ложбинку на дне, каждую плывущую щепку и травинку. Где-то в глубоких недрах земли зарождалась его жизнь, собирались и ждали своего часа мельчайшие крупинки воды. Они прорывались через толщу земли и устремлялись вдаль, туда, откуда и пришли – в бесконечность. Сознание пришельца разлилось нескончаемой чередой блужданий и пузырьков.

Река была словно огромный живой организм, сообщающийся со всем мирозданием каждой своей клеточкой. Зак доверил ей себя, как дитя доверяет себя своей матери. Слил с ней. Добежал с ней до самого устья, к морю, где восторг внезапного расширения пространства пронзил и наполнил каждую клеточку его тела ликованием. Моря и океаны хлы-

нули в открытую душу и заполнили её своим спокойствием и величием. Потом он поднимался к облакам, где парил в вышине над землей, упиваясь легкостью и свободой. И потом долго, будто сложив крылья, безмятежно падал вниз туманом и дождем.

Зак недвижно стоял на дне реки, в самой середине её русла, лицом к потоку. Глаза его были закрыты, руки раскинуты, голова плетью упала назад. Казалось, он превратился в зацепившуюся за дно корягу. В этот момент что-то маленькое, холодное и скользкое коснулось его щеки. Милое, безобидное создание, трепеща хвостиком, чтобы удержаться на месте, хлопало рядом своими крохотными губками. Оно с интересом смотрело на пришельца широко открытыми, доверчивыми глазами. Зак вышел из оцепенения и почувствовал безграничную нежность. Жизнь в её неповторимых красках пробивалась наружу. Она была рядом, ждала его там, на берегу, была вчера и хотела быть завтра. Нужно было возвращаться на работу. Чуть дрогнув телом, «профессор» не спеша двинулся вверх. Ему не нужно было нащупывать дно, он знал каждый камешек и бугорок, он чувствовал весь мир, не касаясь его, и потому шел уверенно, ступая легко и мягко.

Когда голова «профессора» показалась из воды, на берегу встрепенулась сидевшая поджав под себя ноги девчушка. Лицо её было красным и заплаканным. Это была Мария Ру-

кавишникова. Она бежала изо всех сил, стараясь успеть за пришельцем, падала, сбивая до крови колени о сучья и корни деревьев, но прибежала сюда лишь когда тот уже был под водой. Знакомый парень из соседнего потока рассказал ей, что видел, как её преподаватель Николай Иванович, видимо, сойдя с ума от произошедшего, зашел в Москву-реку и «утопился». На фоне всего ужаса сегодняшнего утра это не казалось чем-то слишком уж странным. Маша не стала ничего объяснять, села на берег и заплакала. Так она просидела часа два с небольшим. Она ждала... Нет, это не была надежда, что все можно исправить. Просто больше она не знала, что делать. Этот ужасный тип, что вселился в тело профессора, был единственной ниточкой, и та буквально канула в воду, будто насмехаясь над обезумевшим сознанием девчонки.

Загдир тихо поднялся на берег, смотря куда-то внутрь себя и не обращая внимания ни на что вокруг. С его синего пиджака свисали водоросли и текла вода. Пройдя всего несколько шагов, он остановился у ног Маши, почти наткнувшись на неё, и поднял глаза. Он стоял, постепенно превращаясь в большую лужу, и молча разглядывал девушку. Она тоже смотрела на него, не решаясь пошевелиться. Слова застряли, запутавшись друг о друга внутри её трепещущего сердца. Заплаканный взгляд был беззащитен и распахнут. Глаза уже высохли от слез, но мука обреченности и вины отражалась на её милом личике.

Люди не умеют плакать вечно, не умеют страдать. Даже боль у них имеет свои границы. Она не может быть больше, чем человек может вынести. Загдир знал это еще со школы, случайно наткнувшись в библиотеке на отчеты исследователей расы землян. Но еще он знал, что эти дикари умеют помнить и могут пронести через всю свою жизнь обет верности и наказать обидчика. Такое странное переплетение качеств еще тогда вызывало у Зака смешанные чувства. Как будто недоделанная работа или неправильно собранный механизм. Конструктор, что собрали вслепую.

Её большие зеленые глаза. Где-то он уже видел их... Да, точно. «Да, эта девчонка, словно та рыбка в реке», – вдруг подумал Зак. Маленькое хрупкое живое существо. Она была прелестна в своей уязвимости и бессилии. Инопланетянин поднял ладонь и коснулся её губ. Маленькое милое существо не испытывало страха. Дикарка была целиком в его власти... На что она надеялась? Это было занятно.

– Привет, житель земли. Как дела? – нарушив тишину, спросил Зак, выговаривая слова сообразно с местными правилами общения.

Глава 7

Мгновение спустя Мария резким хлестким движением рубанула обратной стороной ладони по руке пришельца, отбрасывая от себя ненавистные щупальца этого мерзкого существа.

– Кто ты такой, тварь? – Маруся кипела ненавистью. Её тело охватила дрожь, мир вокруг перестал для нее существовать. Сейчас были только он и она. Она вскочила на ноги, и, изо всех сил толкнув двумя руками в грудь пришельца, ударила его носком изящного фиолетового ботинка между ног.

– Как тебе живется в нашем теле, ублюдок? – крикнула она в бешенстве. Однако нужного эффекта это не произвело. Загдир немного качнулся, скорее от неожиданности, чем от удара, и шумно втянул ноздрями воздух. Казалось, ему было даже приятно.

– Бестолковое земное животное, у нас есть малость времени, так что потрудитесь изложить Ваше дело ко мне, – слегка, даже как бы по-великосветски и совершенно спокойно проговорил Зак.

За спиной у Марии кто-то кашлянул, пробуя голос, и тихо так спросил:

– А че это вы тут делаете? – это был тот самый рыжий паренек с соседнего потока, знакомый Маше. Его звали Леша

Прохоров, он был худощав, имел смешное веснушчатое лицо и взъерошенные волосы, а закатанные по локоть рукава дополняли слегка нелепый внешний вид. Сходство с известным персонажем старого кинематографа сделало свое дело, и эта фраза прилепилась к нему по жизни.

Маруся повернула голову назад, пытаясь при этом осознать, что мир вокруг продолжает жить своей жизнью, заботами и делами. Жизнь в её сути не обращает внимания на потери и боль, она легко перешагивает через упавших и беззаботно шлепает в розовую, наполненную надеждами и наивными мечтами даль.

В этот момент инопланетянин стремительным движением схватил парнишку двумя руками, словно бревно, и, отшагнув назад, стал раскручивать его, словно спортивный снаряд. Лешка судорожно заорал:

– Вы что, Николай Ива...но...вич? Отпустите!

Но “Николай Иванович” только еще быстрее закрутил беднягу и картинно, как на спортивных состязаниях, швырнул Леху в реку, сделал еще один оборот, как будто не может сразу остановиться, и, приставив ладонь козырьком над глазами, посмотрел ему вслед. Леша пулей пронесся метров двадцать прямо над водой и уже там, закувыркавшись, с большим количеством брызг, наконец, приводнился.

– Низко пошел, к дождю наверно, – скривив лицо, усмехнулся Зак, – ну так о чем Вы, милая, говорили?

К счастью, Леха плавать умел, однако плыл к берегу тяжело, и даже в какой-то момент Маше показалось, что он тонет, и она бросилась в воду помочь ему, оставив пришельца одного на берегу. Тот же спокойно, почти без интереса наблюдал за происходящим, усевшись на траву. Наконец, когда они выбрались-таки на берег, рыжий мальчик чертыхнулся, поблагодарил Марию и боком, нервно оглядываясь на “профессора”, поковылял в направлении деревьев, чтобы поскорее скрыться из виду.

Несмотря на всю тяжесть ситуации, Мария Рукавишникова где-то в глубине души оценила “юмор” инопланетянина. Она сама всегда была не прочь повеселиться и даже участвовала в команде КВН еще в школе. Здесь же в Москве, поступив в университет, часто скучала по старой, шумной, веселой компании и подумывала найти похожую “движуху”.

Маруся как-то непроизвольно успокоилась и присела рядом с чужаком, понимая, что иных шансов поговорить по душам нет. Её мокрое белое платье было измазано илом, но золотистые цветы по окружности и краям рукавов все равно ярко и красиво переливались в уже почти полуденном московском солнце. Было тепло, и тем не менее, Маша обхватила себя в охапку и свернулась клубком, чтобы быстрее согреться.

Подсознательно понимая, что существо, признающее ценность “прикола” по жизни, не может быть сильно уж плохим, а возможно и не может быть таковым вообще, Маруся стала слегка коситься на Зака, разглядывая новоиспеченного “профессора”.

– Николай Иванович, – вдруг неожиданно для себя обратилась она к “проводнику”, – так может, вы пригоните сюда своих дружков и постройте универ заново? А то, знаете ли, “ломать не строить”, – продолжила она нарочито назидательным тоном, отчитывая пришельца, словно нерадивого школьника, – и че это за понты такие с метанием мальчика? Ты дома тоже так себя ведешь, да, поганая морда?

– Все миры держатся на радости, девочка, искренней и одновременно неуловимой, как птичий пух на ветру. Но, тем не менее, нужно всегда стараться дарить её всему живому и неживому, ибо она и есть жизнь – так звучит первый закон всех вселенных, на вашем, конечно, косом языке, – снисходительно и одновременно проникновенно заявил Зак, оторвавшись от своих размышлений.

– Слушай, да ты еще и зануда, как я посмотрю... Че ж ты столько людей положил сегодня утром, да еще поездом размахивал, как плетью, – это по-твоему значит “дарить радость”, да? – надувая щеки и картавя, проговорила Мария, стараясь подражать “проводнику”.

– Совершенно верно, и я имею все необходимые полно-

мочия. И кроме того, должен заметить, что мне не составит никакого труда мигом на сотни километров вокруг все превратить в пыль, да так, что даже бабочка крыльями не успеет махнуть. Но я, как добропорядочный гражданин, не могу и не хочу даже на миг лишать вас возможности хорошо провести время, это же просто шоу, – мягко проговорил Зак, посмотрев Маше прямо в глаза, и, чуть помолчав, добавил, – сама понимаешь... Как у вас говорят, “красиво жить не запретишь”.

– Слушай, ублюдок с полномочиями, че ты несешь? Мне наплевать на ваш закон и на то, что ты там думаешь “по тому”, “по сему”. Наплевать на тебя и твою долбаную вселенную вселенных. Усек, нет? Не ваше собачье дело, сами разберемся, что красиво, что нет.

Маша не знала, что делать дальше. Она сидела, свернувшись калачиком на траве рядом с инопланетным чудовищем, но любой проходящий мимо человек не заподозрил бы ничего особенного. Можно было бы попробовать позвонить 112, и, возможно, “они” смогли бы его уничтожить, но “Николай Иванович” в любой момент мог буквально раствориться в толпе и исчезнуть без следа. Да и как его убить, каким оружием можно остановить этого монстра? Ответа не было. Жажда мести наполняла истерзанную душу Маши. В голове вертелся старый добрый совет, который она слышала еще в детстве: “Когда не знаешь, что делать – делай что-нибудь. Не

принимай выбор, навязываемый тебе обстоятельствами”.

– Ты, скотина, пришел в Россию. И я убью тебя при первой возможности. Крышка тебе, тварь, – произнесла она, кинув при этом на “проводника” презрительный горящий взгляд.

И здесь на Марию Рукавишникову как на древнюю жрицу справедливости снизошло хладнокровие, кипящая жажда мести застыла в сердце холодным, колючим и чистым куском льда.

– Ну, что, чувак, пошли пивка попьем, – спокойно, безмятежно и даже почти весело сказала она и по-панибратски сильно дернула Зака за рукав пиджака, – да ты мокрый, как лягушка в болоте, вставай, пошли...

– Твоя мятущаяся земная психика порядком мне уже надоела. Что за тупая манера... У вас на земле все такие придурки или только недорощенные самки? Если будет нужно, я сам себя убью, это вы, уроды, цените свою нелепую жизнь превыше всего на свете, не понимая при этом, что теряете. Для вас отдать жизнь за сородичей – героизм, а в цивилизованном обществе такое должно быть нормой. Ваши политики поют оды героям, толкая их на смерть, а сами прячутся за их спинами, как трусливые мрази. Хватит лить сопли, детка, – резко закончил пришелец, – пошли, я знаю тут одну хорошую кафешку...

Да, Загдир не был похож на злодея, каких рисуют в кино. Он становился все более симпатичным, и Маша ничего не

могла с этим поделаться. Она встала, отряхнула как могла еще не просохшее платье и взмахнула своими красивыми каштановыми волосами.

– Пошли. Урод...

Зак, недолго думая, быстро, почти вприпрыжку засеменял вверх по склону. Он, как ребенок, живо скакал по извилистой дорожке, иногда срезая путь по кустам, и совсем не оглядывался на еле поспевающую за ним Марию. Ему было в общем все равно, успеет за ним девчонка или нет. Как существо, тонко чувствующее все грани мироздания, подданный Уджа-Гаара не пытался удержать эту красивую девушку рядом с собой. И хотя она была ему симпатична, он искренне давал ей возможность уйти, пропасть и раствориться в море подобных ей землян. Общение с высшим разумом часто не идет им на пользу. Любую “вещь” они переименовывают и перекручивают так, как им нужно, делая бессмысленным любой, казалось бы, конструктивный поначалу диалог. Потому Зак и не пытался произвести хорошее впечатление. Каждый имеет право жить так, как он хочет.

Наконец они поднялись на самый верх. Здесь было шумно, иногда еще завывали сирены на проносившихся пожарках и скорых, смотровая площадка была оцеплена, всюду были полицейские и строгие серьезные люди в костюмах. “Проводник” с Машей взяли вправо и по асфальтовой дорожке

завернули за Троицкую церковь. Пришелец шел уверенно, будто ходил сюда каждое утро на зарядку, однако пройдя еще метров двадцать, остановился как вкопанный, уставившись в недоумении на заросли кустов.

– Черт побери, давненько я посещал эти благословенные места. Тут же стояла дельная кафешка с открытой верандой и видом на Москву... Товарища Крынкина, если не ошибаюсь, – при этом он сделал грустный вид и ткнул пальцем вниз, туда, где виднелись остатки фундамента из старых красных кирпичей. – Какие же вы, люди, сволочи, – наконец выдохнул он и с мольбой посмотрел в глаза Маруси, – что же теперь делать-то?

– Что делать, что делать, пошли коляску ловить, на такси поедем, – громко крикнула Маруся пришельцу в ухо, словно он был глуховат, и пошла к дороге ловить машину. Долго ждать не пришлось – остановилась первая же легковушка.

– Че такие мокрые, ребята? – осторожно и с пониманием спросил водитель, – куда едем?

– Купаться ходили... – без выражения произнесла Маша, – отвезите нас с Колей, пожалуйста, к ближайшей кафешке.

“Коля” же стоял истуканом и не издавал ни звука. Только когда уже подъехали к заведению с понятным названием Биродром, что у метро Ломоносовский проспект, “проводник” наконец, подал признаки жизни и вежливо поблагодарил хо-

зьяина машины, помахав при этом рукой в окошко, – спасибо, человек, вы были крайне любезны, – схватил Марию и потащил в кабак.

Официант подошел незамедлительно,

– Что будем пить, господа? – иронично спросил он. Жизнь здесь, казалось бы, не вдалеке от ужасных событий сегодняшнего утра, текла своим чередом. Людям, как водится, было чихать на все, что не касается лично их.

– Коле два пива, а мне, пожалуйста, черный кофе, – Маша была сдержанна и строга, к ней подкралась усталость, но напряжение не отпускало. Хотелось спрятаться с головой в одеяло и, закрывшись от всех навалившихся проблем пуховыми подушками, просто лежать. Вместо этого она была здесь, и от чудовища в человеческом обличье её отделяла только коричневая гладь стола.

“Николай Иванович” же, напротив, казалось, был на верху блаженства – он отхлебывал пиво, чмокал губами в знак восхищения напитком и довольно поглядывал на свою спутницу.

– Так какие у тебя здесь еще дела? – с тревогой и внутренне собравшись, произнесла девчонка.

– Связанный разум, милая, это очень опасно... – начал было сбивчиво объяснять Зак, но тут подошел официант и, забрав пустую кружку, вежливо поинтересовался:

– Не изволят ли господа продолжить? Принести еще пива?

– Нет, посчитайте, пожалуйста, – отмахнулась Мария. – У тебя деньги-то есть, извращенец? – вспомнила вдруг она о традиционных ценностях цивилизации, обратившись к пришельцу, когда работник заведения удалился. В голове сейчас было все, только не это.

– Какие деньги, дорогуша? – тоже вспомнив о местных обычаях, промолвил Зак. При этом он стал хлопать по пиджаку, вывернул карманы и нашел там только ключи и пластиковый пропуск с фоткой.

– Идиот, – фыркнула Маруся и закатила глаза. – Слушай сюда, чтобы без всяких фокусов, веди себя, как нормальный человек. Просто скажешь так: “Ваше пиво воняет ослиной мочой, мы не будем платить!” и тихо, быстро уходим, понял?

– Ладно, звучит несложно... Погоди, а который час? Ой, надо бы запустить “Крудак ди 8 Спаситель”. Уже 12:28, у нас всего две минуты, – Загдир суетливо дернул рукой, в которой тотчас возник маленький блестящий металлический цилиндр с одной кнопкой с торца посередине, – сейчас, Машенька, мы поговорим и с твоими друзьями тоже. Если это сработает...

И Зак изо всех сил вдавил кнопку.

Маша открыла было рот, чтобы переспросить, но ослепительная вспышка пронзила все вокруг.словно тысячи иголок воткнулись в тело девушки, и, казалось, одновремен-

но весь мир при этом дрогнул и поежился. Биродром растворился, и Мария Рукавишникова ощутила себя бегущей к скверу на Воробьевых, чтобы успеть спасти Андрюху и мир вообще...

Утренний прохладный воздух приятно пронзал легкие, и надежда, что все будет хорошо, улыбалась Маше вместе с весенним солнышком. За кустами вдалеке высился целехонький МГУ и стучал за спиной метромоет. Только сейчас она уже знала... Знала, что его зовут Зак и что он ждет их там...

Глава 8

– Мадам, я смею настаивать, чтобы вы убрали от моих ног ваше чудовище, – почти кричал Зак, наклонившись вперед так, чтобы его нос практически касался носа разъяренной и негодующей тетки с собакой. Это была управляющая банка «Столичный» Лариса Петровна Протасова, женщина властная и заносчивая. Собачка, видимо, ухватив настроение хозяйки, всю заливалась лаем, скаля зубы и одновременно пытаясь пересилить свой страх, чтобы укусить за ногу инопланетянина.

– Что ты сделал с моим Кирюшей, подонок? Я звоню в полицию, тебя там выведут на чистую воду, чурка постылый! – неистово орала она, не желая успокаиваться и только еще больше свирепея вместе со своим маленьким смешным питомцем.

Все остальные участники митинга невольно были вынуждены оставаться в роли зрителей – для них просто не хватало тех самых неуловимых мгновений, перетекающих одно в другое, что в диких необразованных местах зовут “временем”. Собака с момента первой встречи и вправду слегка изменилась. Из белого пушистого существа с черненьким носом-пуговкой оно превратилось в косматое серо-коричневое чудовище, напоминающее скорее маленького лешего, чем со-

бачонку. От прежнего милого любимца осталась лишь кличка “Кирюша” и та же весовая категория.

– Это же чистокровная “русская цветная”, практически то же самое, что было, Лариса Петровна, – тщетно пытался объяснить даме Зак. Ощущалось, что терпению его приходит конец, и это вызывало искреннюю озабоченность у всех собравшихся. Каждый из них физически помнил, что произошло буквально “только что”, и лишь сознание не могло расставить точки в понимании произошедшего и оформить хоть в мало-мальски пригодную версию.

Видимо, у женщины все обстояло иначе. Она, очевидно, не была готова уместить в голове нечто большее, чем одну эмоцию. Милый песик Кирюша и был для неё олицетворением этой глобальной мировой идеи однозначности. Он принципиально должен был быть очаровашкой и, как следствие, имел полное право твоякать на всех подряд и метить территорию, ежечасно увеличивая сферу влияния и утверждая свое мировое господство. И вот самое святая святых было жестоко поругано. Так, словно у нее отняли саму возможность жить дальше.

– Маша, что же делать? – страдальчески закатив глаза, вдруг обратился инопланетянин к девушке.

– Маша??? – эхом повторили Николай Иванович и Андрей, посмотрев друг на друга.

– Да, Маша, Маша, чёрт возьми, – решительно вышла впе-

рѐд Мария Рукавишникова, ухватила орущую тетку за рукав и членораздельно произнесла, – Так. Корыто покидает нашу сказку...

– Корыто?! – набирая воздух в легкие, рассвирепела дама.

– Точно, корыто, – счастливо расцвел Зак, повернул тетку вокруг своей оси и отвесил ей ужасающей силы пинок. На глазах изумленной публики мадам приобрела вторую космическую скорость и, превратившись в точку, исчезла в вышине голубого неба. Повисла тишина. Собачонка перестала тявкать и застыла с открытым ртом, осматривая оставленный хозяйкой поводок.

– Черт, Коля! Ты что, сделал-то, а? – Маруся была в шоке.

Между тем изменения во внешнем виде коснулись не только собаки. Представитель южных регионов по имени Муса Юсупов, начальник строительной компании «Инвестстрой», облаченный по-прежнему в зелёный полосатый пиджак, нервно трогал подбородок, ощупывая место, где ранее густела черная бороденка. Однако нраву он стал кроткого, от бывшего раздражения не осталось и следа.

– Ну, и зачем тебе была нужна борода, ты чего, бомж? – резюмировал Зак, – ты видишь, какой я красавец? – выпятил вперѐд свой голый подбородок инопланетянин, скосив взгляд на притихшего южанина. Ведь были они сейчас абсолютно одинаковые – отражения друг друга в невидимом зер-

кале.

– Че-то зелёного многовато, да, профессор? – обратился тут Загдир к Николаю Ивановичу и, театрально вытащив у него авторучку из нагрудного кармана, вставил в свой и преобразился в профессора. Стало два Николая Ивановича, а Муса же, наконец, облегченно вздохнул.

– А что, женщину вернуть никак нельзя? – робко спросила Маша.

– Ту бешеную бабу? Ларису Петровну? Да она на орбите Солнца сейчас крутится. А зачем тебе? – пришелец был удивлен, – да, называй меня лучше Зак, так как-то понятней. Конечно, когда мы одни, можешь звать хоть пнем болотным... пофиг, – по-ребячески закончил «проводник».

– Господа, вы поймите меня правильно, – продолжил он, сделав паузу, – у вас тут странные нелогичные порядки: слова матерные есть, а ругаться ими нельзя, оружие иметь можно, а убивать – нет. Я не могу всего этого запомнить, голова кругом идет, как вы с этим живете, дикари несчастные? Вот у меня на родине такого безобразия нет – я если что-то могу, то непременно делаю и это, поверьте, очень удобно, естественно и приятно. Невозможно нормально жить, думая одно, а делая другое. Вы постоянно лжете себе, окружающим, вы запутали сами себя и все вокруг своими идиотскими законами так, что не можете и шагу ступить. Как вы живете вообще, удивляюсь? Зачем петь песни о «свободе», если она

вам по факту не нужна, одна сплошная бутафория...

Зак помолчал.

– Да у всех, кстати, все не так, как было. Вы думаете, мы сейчас «время отмотали назад» что ли? Да ни хрена подобного. Ребята, я не хочу никого огорчать, но никто ничего не «отматывал». Все, что вы видите вокруг в радиусе 3 километров, включая, естественно, и всех нас – это типа «восстановление системы» из исходного материала через 3D-печать ранее отсканированного пространства. Вы не поверите, но это действительно сложная задача. Ферштейн? Хотя опять же, какая разница, похоже ведь получилось, вы даже ничего почти не заметили...

– А можно я уже пойду... так сказать, по делам? – наконец решился подать голос начальник «Инвестстроя».

– Бога ради, я никого не держу, господа. Хорошего дня! – расцвел, как цветок на клумбе, Загдир.

– Всего доброго, – произнес южанин, схватил свой портфель и, быстро набрав скорость, скрылся за кустами.

– Уважаемый господин Зак, – наконец вступил в разговор и Николай Иванович, – а давайте, учитывая ваше стремление жить, так сказать, интересно, еще раз скопируем ту красивую словоохотливую женщину.

– Вы поймите, мой милый земной друг Николай Иванович, я совершенно не против «напечатать» повторно эту осо-

бу, но на текущий момент «Крузак спаситель» еще не доработан до таких технических высот, чтобы воспроизводить отдельные объекты на выбор. Мы можем лишь опять вернуться все вместе к прежней «точке восстановления», а она пока единственная. Других точек нет. И кроме всего прочего, во вселенском масштабе действует закон сохранения благоприятности в любой замкнутой системе. Т.е. если нам с вами станет лучше, то обязательно кому-то станет хуже, так что перетягивать одеяло на себя не очень этично. Правильно бы было просто испытывать удовольствие от любого варианта течения событий. Но земному разуму этого не понять, похоже. Ваши моральные принципы, как компот в банке, выльешь его в болото, и нет компота, он существует только в пределах вашей банки. Вы понимаете меня, май френд? – долго и старательно пытался что-то объяснить собравшимся «проводник».

Пока шел его неторопливый рассказ, к образовавшемуся кружку философов присоединились и две девушки-болтушки. Они тихонько пристроились чуть в стороне, и было похоже, словно их прибило к берегу случайно набежавшей волной. Девушки внимательно слушали слова пришельца, но казалось, им был интересен лишь сам процесс. Им было интересно, как говорил пришелец, но было безразлично, что. Света и Женя, так их звали, решительно ничего не понимали в произошедшем и считали Зака просто интересным мо-

лодым человеком, братом Николая Ивановича. Немного еще постояв, они тоже собрались уходить, когда «проводник» со словами «Хорошо, черт побери...» вскинул руку и, блеснув какой-то железкой, вдавил в нее палец.

Пространство вновь дрогнуло, зарябило, окуталось дымкой, и наши герои, как ладьи Степана Разина в известной народной песне на слова Дмитрия Садовникова, материализовались из тумана.

Загдир не стал дожидаться, пока Муса придет за своим портфелем, и сразу принял образ профессора, так как уже успел к нему привыкнуть. И начальнику «Инвестстроя», и Ларисе Петровне в этот раз повезло больше. Если первого не покинула в этот раз его дорогая борода, то на поводке у Ларисы снова скакала ее милая беленькая болонка. На том конфликт был исчерпан, и митинга не потребовалось. Рядом с пришельцем остались только Маша, Андрей и Николай Иванович. «Проводник» не был против, он знал, что с этими троими что-то не так. Что именно, он пока не понимал, но, как воспитанник одной из высших школ разума Уджа-Гаара, он знал – случайностей не бывает. Сканер связанного разума показывал небольшое допустимое превышение, эти трое хорошо «фонили», но этого было недостаточно. Центр требовал найти и уничтожить источник.

Работа «наудачу» удачи не принесла. Обработка данных

станций слежения показывала, что объект перемещается и находится на данный момент примерно в радиусе 5-7 километров. Эти трое могли быть полезны. А может, и нет. Так думал пришелец, разглядывая наших героев, а они в свою очередь разглядывали его. Каждый инстинктивно чувствовал, что тихо уйти не получится, ситуация требовала разрешения, и этим решением были все они.

– Неплохая погодка, не правда ли? – заговорил первым профессор, – однако мне нужно сейчас читать лекцию, приглашаю всех послушать. Вам, Андрей, по реферату ставлю зачет, думаю, не нужно пытаться повторить все снова. Давайте уже жить дальше. А после можно пойти ко мне домой, угощу домашними блинами со сметаной... Вы как, Зак? – Иваныч был само радушие.

– Боже мой, блины со сметаной, меня ими потчевал еще дядя Ваня, по вашему «Грозный»... Признаться, я соскучился по русской кухне, конечно да, пойдете. И давайте с собой возьмем ребятишек, Машеньку и Андрюшу, хорошо, профессор? – пришелец радостно всплеснул руками.

– Ну, если они не против, конечно...

– Только, чур, без мочилова, идет? – выразил скромную надежду Андрей, – хорошо, Николай Иванычи?

– Да че там, пошли, – улыбнувшись, хлопнула рукой по плечу парня Маша, – халява...

Глава 9

Аудитория находилась на 16 этаже и вмещала несколько сотен студентов. У многих остались смутные воспоминания о «первом» сегодняшнем утре, но будничные заботы и университетская суета отогнали тревоги и переживания прочь. Профессор вошел первым и, поднявшись на кафедру, громко поздоровался. Гул голосов затих, вся разношерстная тусовка зашуршала тетрадками и приготовилась писать конспекты. И только тогда собравшиеся обратили внимание на странную троицу, остановившуюся у дверей. В компании Машки Рукавишниковой и Андрюхи Соломатина стоял еще один их профессор, еще один Николай Иванович и, задрвав голову, разглядывал потолок.

– Друзья, сегодня, как вы видите, я пришел не один, – раздался с кафедры голос преподавателя, – знакомьтесь, это мой брат, Сергей Иванович Запольский, он работает старшим научным сотрудником в объединенном институте ядерных исследований наукограда Дубна и согласился немного поведать нам о взгляде физиков-теоретиков на проблемы адаптации человеческого сознания в реалиях новой физики.

Николай Иванович импровизировал. Он решил разузнать как можно больше о планах пришельца, но не напрямую, а лишь смоделировав цель его прибытия, исходя из отноше-

ния «марсианина» к человечеству в целом. На предложение почитать лекцию вместо него, инопланетянин откликнулся с радостью и был не против даже немного побыть ученым ядерщиком.

– Что ж, я думаю, всем нам будет на пользу узнать, готовы ли мы жить в согласии с фундаментальными законами нашей вселенной, – сделав многозначительную паузу, Николай Иванович поднял руку, приглашая своего новоиспеченного брата на возвышение кафедры, – прошу любить и жаловать – Сергей Иванович Запольский.

Аудиторию такой поворот событий явно обрадовал, после утренних переживаний всем хотелось немного расслабиться. Это означало, что можно ничего не записывать, стараясь успеть за течением мысли преподавателя, а можно вместо этого откинувшись на спинки деревянных кресел поболтать о жизни, любуясь игрой солнечных зайчиков на стенах и лицах однокурсников. Маша и Андрюха прошли тихонько по ступеням вверх и уселись позади на галерку, а Николай Иванович, уступив место своему «брату», присел снизу на свободное место возле стайки улыбчивых девчонок.

Зак легко взбежал на ступени у доски, почесал затылок в знак некоторого размышления и тихо проговорил:

– Спасибо профессор!

И уже потом громко, отчетливо обратился к аудитории:

– Здравствуйте, ребята! Вы все ублюдки паршивые. Знаете, кто вы такие? Гавно на палочке!

По рядам прошел ропот недовольства, но пришельца это нисколько не смутило, и он продолжил:

– ...особенно с точки зрения ядерной теоретической физики. Вы тупая недоросль, личинки мелкозадые, будущее унылое гавно, – Загдир остановился. Он понял, что повторился, что «гавно» уже было, и с литературной точки зрения его выступление катится по наклонной.

Паузой сразу решил воспользоваться одноклассник Маши, Сергей Задора. Он имел пышную, торчащую во все стороны шевелюру и дикий пронизывающий взгляд. До этого момента он сидел с отрешенным видом, иногда безразлично посматривая боковым зрением на происходящее у доски, но теперь явно повеселел.

– А вы не могли бы, Сергей Иванович, как-то аргументировать такие заявления? – проявив завидную память на имена, крикнул он.

– Спасибо, мой милый друг, только никаких заявлений я не делал. Проблема в том, что вы не хотите воспринимать мир таким, какой он есть. Вы всегда примешиваете личную заинтересованность вместо того, чтобы спокойно слушать преподавателя, принимая даваемые им образы к сведению. А чего, собственно, вы боитесь? Проблема восприятия новой физики человеческим существом в его фатальной одно-

клеточности. Оно многоликий, бесконечный мир всегда пытаются примитивизировать. И как результат на выходе мы получаем не науку, а кашу из ваших предпочтений, уважаемые амебы.

После этих слов «проводник» замолчал и некоторое время рассматривал что-то за окном, потом постучал ботинком о края кафедры, кашлянул и произнес:

– Ну, вот, наверно, вы уже впитали. Так что приезжайте в Уджа-Гаара, буду рад продолжить знакомство.

– В Дубну, – поправил пришельца внимательный Серега.

– А, ну да, точно, в Дубну, – легко согласился Зак.

– А вы, Сергей Иванович, когда к себе-то собираетесь? – раздался с задних рядов голос Андрея Соломатина.

– Да дела здесь еще, Андрюша... И блинов еще не отдали, правда, профессор? – вдруг сильно посерьезнев, произнес инопланетянин.

– Друзья, думаю на сегодня достаточно, всем спасибо, увидимся в следующий раз, – резко попрощался со студентами профессор. Ну, а студента долго об этом просить не нужно – все они весело загалдели, захлопали, зашумели и, как вода из раковины, воронкой утекли из лекционного зала.

Глава 10

Профессор снимал квартиру на Зубовском бульваре, что на Садовом, и потому, не слишком размышляя, он повел всю троицу за собой в сторону станции метро.

– Наш иноземный друг не будет против, если мы используем для перемещения большого железного земляного червяка? – с иронией спросил он пришельца.

– Помилуйте, ваше бесстрашие переходит всякие границы. Да это, похоже, склонность к суициду, Николай Иванович, если не ошибаюсь, – парировал Зак.

Тихая неторопливая беседа «старших товарищей» действовала на Марию Рукавишникову успокаивающе. Она шла, глубоко вдыхая прохладный чистый воздух, и не думала ни о чем. Маша погрузилась в бездействие созерцания и растворилась в окружающем её мире. Девушка доверилась течению событий, и они несли ее с собой, как щепку несет ручей. Андрей шел рядом, также не участвуя в разговоре, и думал о чем-то своем. Его голубая рубашка выскочила с одной стороны из штанов, но он не обращал на это внимание.

«Сегодня уже 2 мая, – подумала Маруся. Вчера был небольшой дождик, день рожденья Сережки Кучерова...» Сон воспоминаний перемешался с нелепой чудовищной замысловатой явью. Такой близкий и понятный мир, в котором

жила она еще вчера, где он? Исчез невидимый купол, отделяющий непроницаемой стеной тот милый, добрый мирок от бесконечной пугающей бездны вселенных вокруг. Взгляд Маруси скользнул по спине идущего впереди Николай Ивановича, того, что слева. По ткани его костюма, по синему морю сплетенных ниток семенила ножками маленькая фигурка муравья. Никогда прежде она не замечала такой пронзительной границы миров.

Это был один из видов рыжеватых муравьев мирмика, тех, что не конкурируют за пищу с семьями лязиуса. Очевидно было, что он «ушел» уже слишком далеко и не сможет найти дорогу домой. Муравьишка будет долго метаться в поисках правильного пути, потом попробует выжить сам и скоро умрет. К другому муравейнику прибиться нельзя – чужих муравьи не принимают никогда. Маленькие шустрые существа – крайне социальные животные с жесткой иерархией и распределением обязанностей. Они умеют выполнять только одну функцию, а в природе для выживания этого недостаточно. Тем не менее, без еды и в тяжелых условиях он сможет прожить почти месяц, а сейчас он бежал по огромному для него голубому полю пиджака и искал дорогу. Крохотный, тихий труженик лугов мирмика еще не знает своей судьбы, а она уже сейчас прописана жесткой неумолимой рукой природы.

Мария не испытывала жалости, она долго и безучастно смотрела на муравья, пытаясь постичь ускользающий смысл его жизни, и в какой-то момент её девичью душу наполнило сострадание. Оно разлилась по её телу невидимой глазу волной возмущения безысходностью и неотвратимостью бытия.

– Николай Иванович, – вырвался тревожный и сдавленный возглас девчонки.

Они обернулись оба. Две реплики одной вселенной шли рядом и одинаково живо реагировали на происходящее. Вынырнув из созерцания в то самое неуловимое сейчас, что движет мирозданием, «Рукавичка», тяжело перешагнув протест сознания, вынужденного опять что-то решать, собралась с мыслями и неуклюже пояснила:

– Там у вас на спине... А кто из вас кто, не могу отличить... Ну, вот у вас...

– Я, кстати, заметно красивее, – живо откликнулся Зак, – а профессор просто урод какой-то, ты посмотри только на него, – продолжил он и демонстративно выпучил округлившиеся от отвращения глаза. Потом будто опомнился, посмотрел, как мог, на себя, покрутив при этом головой, потрогал руками подбородок, подергал волосы на затылке и наконец, зажав нос руками гнусаво произнес: – боже правый, это невыносимо, как вы с этим живете, ужас.

– У вас, Николай Иванович, там по спине муравей ползет, – не обращая внимания на шутливую речь проводника,

сказала Маша.

Вся компания остановилась и вопросительно уставилась на Марию. Установилось продолжительное молчание. Андрей потер лоб и, непроизвольно подняв брови вверх, увидел на ветке раскидистого дуба того самого скворца, что встретился ему с утра, когда он шел наверх.

– О, привет, животное, – Андрей имел обыкновение разговаривать со всем и всеми на равных, не выказывая собеседнику различий между ними. Такая манера разговора ему казалась единственно правильной.

Птица оторвалась от своих занятий и, перестав перетаптываться с лапки на лапку, замерла, глядя на четверку путников.

– А вы знаете, друзья, что скворец несет голубые яйца? – профессор был явно не готов к адекватному разговору и продемонстрировал полную отрешенность. – Так что там с муравьем, Мария Игоревна?

И вот, наконец, когда конструктивность восторжествовала-таки в его просветленном сознании, учитель выдохнул:

– А давайте спросим у инопланетного разума, как быть с этим зоопарком? Вон и «дятел» на ветке вожделеет ответа, скворцом прикинулся. Как быть, Загдир Батькович, с точки зрения вселенской мудрости бесчисленных галактик в сложившейся ситуации с товарищем нашим меньшим муравьем, в частности?

– Не может быть, друзья, что я слышу от вас такие нелепые речи. Вселенский разум нашей с вами мультивселенной всегда выступает за то, чтобы его не применяли почем зря, как вы, тупые человечки, всегда пытаетесь сделать. Это даже невежливо по отношению к такой высшей субстанции. Вы дикие неотесанные варвары, и единственное, что говорит в вашу пользу, – это зачатки чувства юмора... То есть вы шутить умеете, но только словами, а не делами. Но тем не менее этот позитивный факт я неоднократно отмечал в отчетах, когда ходатайствовал о сохранении у вашей популяции статуса охраняемого вида.

Сделав многозначительную паузу, «проводник» продолжил:

– Насколько я понимаю, мы все непосредственно не соприкасаемся в пищевой цепочке, так что вариант скормить кому-либо кого-либо для уменьшения числа переменных в вашей задаче исключается. Тогда остается следующее: Андриуша говорит птичке «до свидания», раз уж поздоровался, ну а Мария Игоревна снимает муравьишку с костюма distinguished «доктора наук», сажает на землю и объясняет, как пройти до дома. Все...

Что и было немедленно исполнено, хотя муравья на костюме искали долго и уже отчаялись было найти. Однако Зак при этом стоял, очевидно, задумавшись, и более того, воспользовавшись паузой, залез на дуб, где заметил неболь-

шое душло и под негодующий писк скворца заглянул внутрь.

– Правда, голубые, – уже спрыгивая на землю, радостно сообщил он, – а ты, Андрияша, выходит, знаком с пернатым, да?

И не ожидая ответа, опять над чем-то задумался.

До метро добежали быстро. Тропинка спустилась вниз вместе с путниками и закончилась под мостом. Железный червяк тоже не заставил себя ждать, с визгом и грохотом подкатил к платформе и усадил в себя наших друзей. Никто из них толком не знал, зачем они едут есть блины, а профессор, честно говоря, судорожно пытался припомнить, как, собственно, их надо печь и есть ли у него дома все необходимое. Спустя какое-то время «червяк», кряхтя, выплюнул пассажиров и отпустил их на все четыре стороны.

Зубовский встретил гостей, жужжа всеми своими 16-ю полосами. Автомобили носились, как пчелы в улье, и с неудовольствием уступали дорогу. Внутри них сидели вечно спешащие и нервные человечки. И как отметил про себя Зак, наверное, их изолировали от нормальных людей в связи с очевидной психической неуравновешенностью и неспособностью адекватно перемещаться в общественном транспорте.

Поднявшись на 6 этаж в старом доме номер 13 дореволюционной постройки, они наконец расположились в огромной

по меркам современного человека комнате, называемой кухней. Убранство ее было аскетично, потолки – недосягаемо высоки, а трубы, выкрашенные в глубокий зеленый цвет, вызвали характерный трепет и уважение. Николай Иванович, не говоря ни слова, направился к старинному холодильнику «Смоленск», откуда достал молоко и яйца. С полочки над такой же древней, как и холодильник, газовой плитой достал муку, соду, соль и остановился в нерешительности.

– Друзья, вы знаете, мне нужно ненадолго отлучиться. Я скоро вернусь, – неожиданно поднявшись с табуретки, заявил инопланетянин, и, отвесив неуклюжий поклон, пошел к двери.

– Да, но мы могли бы сходить вместе, – попытался остановить его профессор, но Зак уже выскочил вон.

– Маша, беги за пришельцем, проследи, куда он ходил, и если что – звони, – командирским тоном произнес Андрей, – а мы с Иванычем посидим, обсудим, как дальше жить. Давай, вперед! – в нетерпении прикрикнул он и слегка толкнул Марусю к выходу.

Маша без разговоров схватила свою сумочку и побежала догонять Зака. Послеобеденный час – время сна и неспешных дел, до конца рабочего дня еще уйма времени, и можно пока никуда не торопиться. Людей на улицах было мало, и девушка быстро заметила выходящего из подземного перехода на противоположной стороне улицы пришельца. Он

легкой беззаботной походкой свернул на Остоженку и мимо музея Москвы пошел в сторону Красной площади. Когда улица плавно перешла в Волхонку, Мария, до сих пор еще не понимавшая, куда же именно идет «проводник», с тревогой поняла – он идет в Кремль.

Тем временем на старой уютной кухне в доме номер 13 на Zubovskom, Андрей Соломатин, пристально смотря в глаза своему профессору Запольскому, медленно и категорично произнес:

– Мы должны попытаться его убить. Сегодня, – Андрей перешел на шепот, – он же из плоти и крови, профессор. У нас должно получиться. Вооружимся ножами. И главное, мы должны ударить одновременно. Кем бы ни были эти инопланетные чудовища, мы – земляне – должны за себя постоять...

Николай Иванович не спешил с ответом. Он понимал, что говорит его ученик, но ситуация была не так проста.

– Хорошо, мы должны за себя постоять. Но давай проиграем ситуацию до конца. А что, если у нас ничего не выйдет и пришелец сделает из нас вермишель? Что тогда?

– Тогда, – Андрей был возбужден, – мы умрем...

– Логично, – улыбнулся учитель, – Ты знаешь, ты меня убедил, давай попробуем.

Профессор был совершенно уверен, что у них ничего не выйдет с этой затеей, но в конце концов было интересно по-

смотреть, чем закончится борьба муравьев с медведем. Честно говоря, он проникся некоторым уважением к сотруднику инопланетной миссии и не очень опасался за свою жизнь, чего нельзя было сказать об Андрюхе. Тот заметно нервничал и теребил оказавшуюся в руках вилку.

– Учитель, когда пришелец вернется, ровно в начале следующего часа мы вонзим в него ножи. Я в грудь, вы в спину.... И никаких сигналов друг другу. Он ничего не должен заподозрить. Договорились? – Андрей напряженно ждал.

– Да, договорились, – Иванычу передалось немного волнения от ученика, но внутренне собравшись, он скоро вернулся в доброе расположение духа.

Покопавшись в ящике кухонного стола, заговорщики выбрали себе ножи и стали ждать. Профессор, вспомнив про блины, начал суетиться, намешал полкастрюли теста, и, по-старомодному чиркнув спичкой, зажег газ. Уже скоро скворча сковородкой, он добыл первый комочек блина, довольно хмыкнул и следующий же у него вышел тонкий, поджаристый и с красивыми дырочками, напоминающими звездное небо.

Тем временем, наш инопланетный друг добрался до Боровицкой площади и приготовился делать заключительный пешеходный переход по направлению к резиденции президента Российской Федерации. Маша давно догнала провод-

ника и сейчас держалась чуть поодаль, стараясь укрыться за немногочисленными прохожими. И в тот момент, когда кучка пешеходов вместе с Заком стала пересекать площадь, Маруся вместе с основной массой просочилась в Александровский сад. Отсюда из-за живой изгороди кустов ей было хорошо видно, как инопланетянин не спеша подошёл к стоявшим на входе в Боровицкие ворота Кремля двум полицейским.

– Милостивые господа, – начал он, – я не хотел бы вас тревожить, но мне крайне необходимо попасть к вашей матке.

– Какой такой "матке"? – стоявшему рядом полисмену показалось, что он что-то не расслышал.

Зато стоявший поодаль, похоже, понял всё. Он довольно прищурился и заулыбался:

– Он до твоей матери пришёл, Замятин.

– Гражданин, ваши документы, пожалуйста, – грозным тоном потребовал рассердившийся первый.

Добропорядочный гражданин империи Уджа-Гаара, как и должно в такой ситуации, не проявлял никакой агрессии. Он лишь слегка повернулся к кремлевской стене, расстегнул ремень и, чуть спустив штаны, достал мужской прибор.

– Вы что себе позволяете? – начал было протестовать ошарашенный сотрудник правопорядка, но тяжёлая, густая, шипящая струя уже вырвалась на волю и водопадом оросила газон и нижнюю часть кирпичной кладки стены. Полисмены оцепенели, не смея подойти к нарушителю, но долг, наконец,

взял верх над брезгливостью, и оба стража двинулись к «проводнику». Этого делать было нельзя. Широко и добродушно улыбаясь и не переставая «поливать», Загдир повернулся к ним лицом. Служители, чертыхаясь, запрыгали, заплясали, но было слишком близко, да и Заку, очевидно, игра понравилась, и он потратил все оставшиеся запасы мочи, целясь в парадные ботинки и мундиры.

Марии Игоревне Рукавишниковой, находившейся всего в трех метрах за кустами, сложившаяся ситуация не нравилась. «Николай Иванович» вел себя, безусловно, прикольно, но милиция есть милиция, могут и «замести». На шум из дверей Боровицкой башни вышел начальник караула. Он как раз находился у дежурного по камерам внешнего видеонаблюдения, когда все присутствовавшие там стали покатываться со смеху. С минуту он молча смотрел на экран монитора и без тени улыбки, сурово, как и положено старшему по службе, вышел на улицу и скомандовал несчастным постовым:

– Живо марш переодеваться, Мещерякова со Спицыным сюда! – и затем, на миг остановив цепкий, пронизательный взгляд на прищельце, продолжил: – А вы, гражданин, можете быть свободны и не нарушайте больше.

На этом блюститель порядка, никак не объясняя своего решения, удалился.

Пришелец довольно застегнул ремень:

– Да, милейший, я, пожалуй, пойду, меня ждут друзья на обед, – куда-то в пустоту сказал он. При этом у Маши сложилось впечатление, что Зак только за тем сюда и приходил, чтобы полить газон. Девушка мысленно старалась поставить себя на его место, но получилось не очень. Очевидно, мешали вбитые в голову киношные стереотипы злодеев, всегда идущих напролом и крушащих всё вокруг на своём пути. В случае с Заком это не работало, он был или очень-очень хитрым, или наоборот слишком уж самоуверенно-беззаботным.

– И то, и другое, – раздался у неё над склоненной вниз головой уже знакомый голос «проводника». Пока она стояла, задумавшись, тот заметил её и неслышно подошёл.

– Ты что, читаешь мысли? – вздрогнула от неожиданности Маруся. – Я решила пойти за тобой... Чтоб не потерялся.

– Нет нужды читать мысли, девочка. Если человек о чем-то думает, то ответ на самом деле всегда лежит между. Ваше уродливое сознание вечно пытается выбрать только один вариант. И ты, конечно, не исключение...

– Зак, ты скотина. Я, между прочим, за тебя волновалась. Какую тебе ещё надо было "матку"?

– Обыкновенную, Маш... Ну, у вашей популяции есть же старшая особь, как у тех же муравьев, например? Вы же, люди, социальные животные, правда?!

– Ладно, а зачем тогда надо было мочиться на полисме-

нов? – Маша долго не могла найти нужных слов, – Это что, так у вас там принято в «Ужгороде» или откуда там ты родом? Или ты совсем не в адеквате... А, чувачела?

– Это правда, у нас так. На официальных визитах в большинстве обитаемых миров принято вести себя естественно. И этому вам... вашей человеческой расе, – поправился он, – стоило бы поучиться... Пока я здесь, – самодовольно добавил «проводник»

– Ага, сейчас начну! – не принимая его высокомерного тона, заметила Мария, – Ну что, приём закончен? Пошли, гений межгалактической дипломатии.

– Да, пошли, Маруся, блинов потрескаем, – нежно обнял девушку пришелец и, вскинув благородным жестом свободную руку, показал в сторону Зубовского бульвара, – только после вас, мадам...

На кухне в дружелюбном доме профессора все приготовления были закончены. Окна его квартиры выходили во двор, и потому шум Садового кольца сюда не долетал, а Зубовский, как известно, является его самой широкой частью. Стояла тягучая, напряженная тишина. Андрей, выправив рубаху из штанов, сунул нож себе сзади за ремень. Николаю Ивановичу же, носившему строгий костюм, спрятать оружие было проще. На столе дымилась высокая стопка свежеспеченных ароматных и аппетитных блинов, но наши герои не обращали на них внимания.

– Кухонный стол стоит по центру – это хорошо, – размышлял Андрюха вслух, – Вы нападете сзади, а я – спереди.

Он говорил это, сверля глазами покрашенную зелёной краской стену напротив, профессор же, откинувшись на спинку стула, закрыл глаза и погрузился в себя. Со стороны могло показаться, что мальчишка рассказывает отцу стихотворение наизусть. И тут резко и дребезжа всем телом, зазвонил лежащий на столе Андрюхин телефон. Это звонила «Рукавичка».

– Андрей, мы возвращаемся... Вместе.

– Маш, – тихо поговорил в трубку Соломатин, – мы решили его убить, – и, посмотрев на часы, добавил: – Ровно в четыре часа. Будь готова.

На том конце провода послышался произвольный возглас, и потом тишина. И потом опять тишина. И потом опять тишина. И когда уж Андрей не на шутку забеспокоился, раздался лёгкий девичий кашель и за ним твердое уверенное:

– Хорошо.

Мария Игоревна посмотрела на часы. Пятнадцать минут четвёртого. Сердце девушки, несмотря ни на что, не хотело мириться с этим страшным заговором. Неприятное ощущение какой-то готовящейся подлости наполнило её душу. Однако воспитание и само человеческое естество внутри неё были непреклонны. «Убей врага! Никто не смеет лезть в на-

шу песочницу! Мы сами будем решать, как нам жить или умереть! Нужно их проучить!» – сурово требовали они.

Одно лишь соображение не очень вписывалось в стройную картину общей доктрины человечества. Границы слова «наша» серьёзно смазались. Эта инопланетная тварь считала Землю тоже «своей» зоной ответственности. Может, следовало поточнее узнать, с какой миссией он здесь. Да и не шибко похож он на «классического плохого». Однако суверенитет превыше всего, это закон выживания. И он неумолим. «Охраняй свою территорию» – гласит он. Даже если это противоречит всем нормам морали. Такие не очень веселые и легкие размышления кружились в голове ещё очень молодой девчушки. Откуда только что взялось в голове ещё юного человечка.

«Границы понятного и такого близкого мира людей растаяли, и теперь мы стали частью чего-то неизмеримо огромного и многоликого» – думала она. Бесконечное число вселенных вокруг ужасало и в то же время радовало, наполняло спокойствием, ведь мы не одни, мы всего лишь неуловимо крохотная частичка мироздания....

Зак молча шел рядом, рассматривая фасады зданий, прохожих, тротуар, заборы строительных площадок, Машу, вообще все. И это доставляло ему видимое удовольствие. По-

ходка пришельца выглядела слегка коряво, он как-то нелепо выкидывал ноги, однако это не производило впечатления скованности. Напротив, движения «проводника» были наполнены приятной глазу комичной легкостью и непринужденностью.

Таким образом, наши герои незаметно для себя оказались у дома профессора.

Четкого понимания, как воплотить задуманное, у Маши не было, Андрей сообщил лишь время – четыре часа. Поэтому она решила действовать по обстоятельствам, доверившись замыслу друзей. Проще всего ударить тем, что будет под рукой, – это, как минимум, удобно и не вызывает предварительно никаких подозрений в злонамеренности.

И вот наша добрая компания радушно распахивает двери инопланетному разуму и сажает его за стол. Загдир по-детски восторженно вскрикнул, увидев стопку блинов, уселся на скрипучий стул и пододвинулся к столу.

– Ну что, русичи, выпить есть? – с ходу заявил «проводник».

– Только чай, – тихо и неуклюже признался профессор.

– Ну что ж, чай так чай, – весело продолжил пришелец, похлопал Николай Ивановича по плечу и ухватился рукой за блин.

Время неумолимо приближалось к часу икс. Уже почти без десяти. Без пяти.

Мария присмотрела себе для атаки здоровенную чугунную сковородку, что стояла на плите. Руки у неё были слабые, но наотмашь махнуть получится нормально. «Это же наше главное женское оружие» – думала она. Пришелец уплетал блины за обе щеки, нахваливая кулинарные способности профессора, и громко прихлебывал горячий чай.

И вот, когда практически исполнилось четыре и в воздухе повисло тягучее напряжение, он опустил взятый в руку с тарелки блин и, посмотрев на застывших друзей, произнес:

– А вы что не кушаете, господа?

И тут тоненько пискнул будильник на наручных часах Андрюхи. Соломатин молниеносно, будто вышедшая из-под контроля пружина, рванулся всем телом вперед, и рука его, сжимающая нож, пулей устремилась к сердцу пришельца. Чуть менее проворным оказался Иваныч, и он, хотя сильно и не спешил, был вероломен и непредсказуем – вывел с плеча и кинул кисть со смертельным клинком легким незаметным финтом, целясь пришельцу сзади под лопатку. Мария Рукавишникова, чуть привстав, чтобы дотянуться до ручки сковороды, ухватила за нее двумя руками, и, отпустив в свободное падение свое тело, направила всю энергию в удар. Она целилась «проводнику» прямо в висок.

В то же мгновение на вышеупомянутой кухне с выкрашен-

ными зеленой краской стенами послышался легкий щелчок, и вспышка света на миг ослепила участников ответственного межгалактического мероприятия. Однако один миг – это слишком мало, чтобы осознать и остановиться. Оказалось также, что кино не для всех крутится одинаково и что с точки зрения «проводника» эти смешные человечки двигались, как черепахи во сне. Зак успел даже одной рукой сунуть себе в рот еще один жирный кусок русской лепешки, а другой, уходя из зоны поражения, одновременно нанес Андриюхе удар в голову такой силы, что голова бедного парнишки оторвалась от тела и полетела прочь в коридор, гулко подпрыгивая при этом по деревянному полу.

Николай Иванович успел лишь оторопело раскрыть во всю ширь глаза, но удивиться толком времени уже не хватило. Его постигла та же участь с той лишь разницей, что голова полетела не в коридор, а, с глухим стуком отскочив от потолка, закатилась за холодильник. Машеньке, можно сказать, повезло больше других. Изначально заявив на выходе свое падение, ей оставалось только красиво исполнить его и, не удержав равновесия, с грохотом повалиться на пол, выронив тяжеленную сковороду, что и было великолепно проделано. Правда, представитель внеземной цивилизации не стал высоко оценивать её старания. Загдир уже вошел во вкус, схватил девчонку двумя руками и лихо запустил ее в окно, усыпав весь пол мелкими осколками рассыпавшегося вдребезги

стекла. Мария Рукавишникова взяла курс на Средиземное море и скрылась из вида.

После такого действия просторная столовая Николая Ивановича резко сменила основной цвет с зеленого на красный. Пол и стены – всё было залито кровью. На полу сразу образовались две огромные лужи, которые тут же слились в одну размером с саму кухню.

– Идиоты, – успокоившись, произнес Зак и снова уселся за стол. Скушал еще пару блинчиков и, утомленно взглянув на борцов за свободу человечества, запил все это чаем.

Потом ему на глаза попала стоящая в углу стиральная машина. Проводник встал, достал из-за холодильника «Смоленск» голову профессора, сходил в коридор еще за одной и, открыв дверцу стиралки, закинул их внутрь, после чего включил быструю стирку и со словами «может, мозги хоть чуть промоются...» пошел спать в соседнюю комнату.

Машинку Николай Иванович купил недавно, последней модели. Современная техника умела практически все и потому с энтузиазмом принялась за дело.

Зак провалился в то бессознательное состояние, что так дорого всем землянам. И уже находясь в тех дремучих и непонятных местах, он услышал веселый призывный зов – «динь динь динь – забирайте, постирано». Бодро поднявшись с постели, «проводник» снова пошел на кухню, уселся

там за стол и, подняв ладонь, с силой нажал на возникшую из ниоткуда блестящую кнопку. Тут же с небольшой задержкой и шипением материализовалась вся шайка злоумышленников в исходном составе и положении. Андрюха, бешено выпучив глаза, летел с ножом вперед на «проводника», профессор тоже заходил на «финт», а Маша потянулась за сковородой.

– Спокойно, господа!!! – попытался вразумить разгоряченных борцов за свободу Зак, но тщетно. Пришлось опять повторить предыдущий маневр, и головы опять полетели в разные стороны, а Машенька вновь взяла курс на Средиземное море.

– Да что ж такое, – с досадой посетовал инопланетянин. Он уже привык к новым друзьям, и ему хотелось вернуть их обратно. Опять вжал блестящую кнопку в ладонь. И вновь неудача. Еще раз кнопка, и снова неудача. У Зака даже возникла нездоровая ассоциация со спортзалом для игры в большой теннис. Головы летели в разные стороны, а Маша – в «Средиземку». И вот, наконец, движения нападавших замедлились, а в глазах появилось осмысленное выражение. Еще пару сетов, и Андрюха сразу выбросил из руки нож, а сам завалился на стол, едва его собой не перевернув. Профессор лишь покачнулся, а Мария Игоревна, уже не хватаясь за сковороду, просто грохнулась на пол и, быстро поднявшись, глупо улыбнулась.

– Ну, неужели! Чудо, чудо! – обрадованно закричал пришелец и от радости по-детски захлопал в ладоши.

Наконец-то у всех участников межгалактического собрания в связи с потраченными на битву калориями не на шутку разыгрался зверский аппетит. Блины-оладушки разбежались по животам, а Николай Иванович кинулся жарить еще, благо осталась мука да все прочее по рецепту. По кружкам разлился душистый чай с мятой, и потекла непринужденная беседа, как и бывает у самых закадычных друзей «не разлей вода».

– Как же тебя убить-то можно, брат? – по-свойски спросил Андрюха пришельца.

– Дебильный ты мальчик, никак, – отвечал тот просто, – ну можно, конечно, но я не скажу.

– Так может, у тебя смерть «в яйце»? – не унимался студент.

– Не, не. Точно нет, Маша вон подтвердит, она проверяла, – Зак даже заволновался.

– Да, так и есть – «в яйце» нету, – улыбаясь, согласилась «Рукавичка».

Точку в этом разговоре решил поставить профессор:

– Друзья, давайте сменим тему, хотя бы для разнообразия.

И это простое предложение сразу всем очень понравилось. Беседа потекла свободно, шутка цеплялась за шутку, и наши герои даже не заметили, как наступил тихий москов-

ский вечер.

Глава 11

Когда страсти улеглись, пришло-таки время узнать у новоявленного терминатора Зака, зачем же он прилетел так далеко и наверняка потратил много дорогого нынче бензина в такую дремучую глушь, как планета Земля.

– Друзья, не буду говорить в который раз, кто вы есть такие на самом деле, но намекну все-таки, что отсталости и ущербности вашей не позавидует разве что ленивый, да и то по ошибке.

– Слушай, «планетарий» из Ужгорода, а нельзя ли как-то типа короче? – начал не выдерживать вселенской широты мысли пришельца Андрияха.

– Так вот, в объединенном королевстве союза миров Уджа-Гаара, ученым советом на основе собранных за бесчисленное число поколений знаний, образовано и охраняется государством информационное облако. Сделано множество копий в обозримых мирах, так что уничтожить его или, скажем, изменить контрольную сумму в корыстных целях невозможно. Сила того объединенного облака знаний так велика, что даже если какая-то вселенная погибает и следом заходит на свой новый виток жизненного цикла, то информация, как семя, брошенное в благодатную землю, прорастает заново вместе с ней, возрождая тем самым все великие

достижения прошлого так, что нет нужды начинать снова с нуля.

– И типа че? – решил снова подать голос Андрей, наверное, чтобы сойти за умного.

– И типа че... – подхватил пришелец, – кто-то из ваших регулярно сует свой длинный нос в наше облако. И этот Буратино, поверьте, очень опасен.

– Мне, например, все ясно, – заявила Маша, – только ничего не понятно...

– Так я и говорю, вы ж тупые, как пробки, – засиял Зак.

– Тупые буратины, – широко улыбнувшись, решил вступить в разговор и профессор, – правильно я понимаю?

– А, конечно, – обрадовался еще больше инопланетянин и, деловито сделав паузу, продолжил: – Мы, уджагаародцы, конечно, сильно охраняем от проникновения нашу базу данных, но происходящие время от времени флуктуации в осознанных структурах на фундаментальном уровне приводят к замыканию цепочки связи. Вы следите за мыслью, пацаки?

– Следим-следим, уважаемый чатланин, ку... – подобострастно закивал Запольский.

– Ага, и вот примерно так возникает «связанный разум». То есть ваш Буратино, если дать ему немного времени, слегка освоится – и «крышка». Остановить потом практически невозможно. Облако охраняет своих адептов, и с окрепшим «проводником», как я, – уточнил Зак, – уже сложно сладить.

– То есть вам можно иметь «связанный разум», а нам, значит, нельзя? – заерзав на стуле, возмутился Андрюха.

– Так во-первых, это «наше» облако, а во-вторых, это же очень опасно, Андрюш.

– Для кого опасно? Разрешите уточнить, – задал, как оказалось, самый важный вопрос профессор.

– Ха, конечно для вас! Для вас, родные вы мои. Вы же вымрете сразу, как мухи осенью, до следующего рождения вашей вселенной, если оно вообще будет. Смотря как набедакурите.

– Так ваша инопланетная контора, стало быть, за нас печется? – искренне удивилась Маша.

– Угу, – скромно так хмыкнул Зак, – ваша раса типа в нашей «Красной книге».

– Ты что ж, выходит «лесник» что ль?? – догадался Соломатин. – Вот это новость! «Лесник»... Ха-ха.

– А Буратино, ставший «проводником», хуже атомной бомбы, значит? – логично продолжил Николай Иванович.

– Намного хуже, вы уж поверьте, профессор, по себе знаю.

– А вдруг мы хотим сдохнуть, и хрен с ней, с нашей вселенной? Такое ведь бывает. Это ничего, что вы за нас решаете, как быть? – опять завозмущался, раздувая щеки, Андрей.

– А это ничего. Ваша популяция слишком молода, чтобы такие решения принимать. Грубо говоря, людей разум-

ными-то никто и не считает. Есть небольшие предпосылки, только и всего. Еще не хватало вам суицидничать. И так шансы выжить мизерные.

И тут в дверь настойчиво позвонили.

– Вы кого-то ждете, Николай Иванович, – спокойно спросил пришелец?

– Я – нет, – в недоумении пожал плечами Запольский, – может, ошибся кто.

Глава 12

В дверь опять позвонили и нетерпеливо постучали рукой. Профессор приложил указательный палец к губам и посмотрел в глазок входной двери. К своему удивлению, на лестничной площадке он увидел двух высоких и уверенных в себе спортивных мужчин в дорогих и ладно скроенных костюмах. Между ними чуть суетливо переминался с ноги на ногу небольшой коренастый дядька с серым неприметным лицом. Коренастый резко вздернул руку и прямо к лицу Запольского метнулся красный прямоугольник удостоверения. От неожиданности профессор отпрянул от глазка, успев лишь заметить российский триколор и гербовую печать. В наступившей тишине из ванной комнаты послышался шум плескающейся воды, невнятное бормотание, бульканье, и мгновение спустя из неё вышел довольный, пахнущий цветочным мылом пришелец и, широким жестом отодвинув профессора в сторону, открыл дверь.

– Здравствуйте, уважаемый Зак, машина ждёт вас. Не будете ли вы столь любезны пройти с нами, пожалуйста, – мягко и очень сердечно проговорил незнакомец, зайдя в прихожую.

– Извольте, сударь, с превеликим удовольствием, – столь же мягко ответил Зак. – Господа, я вас покину ненадолго, –

продолжил он, обращаясь уже к своим новым друзьям и, не дожидаясь ответа, вышел.

– А я останусь, с вашего позволения, – кашлянув, обратился к ребятам коренастый, – Валентин Петрович Рябинин, начальник отдела особых ситуаций ФСБ России, будем знакомы.

При этих словах Андрей, безучастно наблюдавший за происходящим, подошел к окну и, как в старых добрых фильмах, слегка отодвинув занавеску, осторожно выглянул во двор. Да, там, в колодце двора, были они. Точно такие, как и показывают в кино. Их было человек пять. Правда, эти и не пытались скрыть свое присутствие и более того, один из них поднял голову и посмотрел прямо на Андрея. Три черные тонированные машины терпеливо ждали хозяев, низко урча моторами. «Обложили, мусора», – съехидничал про себя Соломатин. Однако, возможно, это было и к лучшему. Слишком большая ответственность. Ответственность за будущее всего человечества свалилась на ребят, и сейчас груз такой тяжелой ноши немного спал с плеч юноши, и он почувствовал облегчение. Хотя не все так просто. «И как бы не натворили силовики каких глупостей, ведь не знают федералы, с кем дело имеют» – продолжал размышлять про себя парнишка. – И откуда только узнали, поди догадайся. Пришелец, значит, хвоста приволок... ты гляди, как умен, зараза...».

У подъезда дома, откуда вышел пришелец с провожатыми, их ожидал целый эскорт тонированного урчащего железа. Этот караван выглядел настолько впечатляюще, что редкие в вечерний час прохожие с опаской обходили его стороной, пользуясь одной из важнейших жизненных рекомендаций – «на всякий случай».

Повалившись не глядя в услужливо открытую дверь машины, Зак с удовольствием расслабился. День оказался длинным, но кое-что ещё предстояло сделать...

Уют и роскошь кремлевских кабинетов подействовали на пришельца успокаивающе. Он комфортно расположился в одном из глубоких старинных кресел, и его посетило то знакомое каждому возвышенное ощущение безграничности разума, неизбежности познания и, как следствие того, скорого и необратимого объяснения причин всего сущего.

Загдир пришел уже почти как час. На диванчике рядом с чашкой кофе в руках сидел представительный серьезный мужчина. Это был Президент Российской Федерации. Однако их тихая непринужденная беседа выглядела, как встреча старых закадычных друзей.

– Так вот, господин Президент, взять хотя бы этих ваших уличных зомби музыкантов-попрошак, – было видно, что в пришельце проснулся дар великого мыслителя, и молчать

ему уже не представлялось возможным. Истина пронзила и захлестнула его, оставив невольным свидетелем сего лишь возможность окунуться в страстную пучину пламенной речи инопланетянина. Видно было, что ранее Зак уже не раз был в той красной русской крепости, что зовётся Кремлем. Он дружески похлопывал по плечу Президента и Верховного Главнокомандующего в одном лице и, как было условлено заранее, старался не обращаться к нему по имени. «На всякий случай» – это правило сильно укоренилось в здешних местах, и несоблюдение его было уже даже просто неуважением многовековых традиций. Временами они оба весело шутили, и со стороны казалось, что беседа их не имела никакого серьёзного содержания.

– А можно я буду называть вас «Ваше превосходительство», товарищ Президент? – прищурившись и по-ребячески деловито спросил Зак. – А можно просто "презик"? – еще больше развеселясь от собственной находчивости и толкая руководителя огромной страны кулаком в плечо, не унимался инопланетянин.

– А пожалуйста, как вам угодно, только главное не вслух. Это и есть политика, мой дорогой друг, – мило и добродушно улыбаясь, отвечал аккуратно стриженный человек в солидном дорогом костюме.

– Так вот о чем я? – опомнился «проводник», – на ваших улицах и в подземных тоннелях я постоянно встречаю этих

ужасных попрошайек с музыкальными инструментами в руках. А что, нельзя их как-то изолировать от общества, ваше величество? Это же не что иное, как духовная проституция.

– Отлично! Хорошая идея, Зак. Завтра с утра сразу займусь, – невозмутимо и по-доброму улыбнулся мужчина в костюме. – Да, и послушай, называй меня уже просто по имени. «Миша». Че там, китайцы и так давно все знают, да и америкосы тоже догадываются. Кстати, от наших хороших друзей есть информация, что в поднебесной прячут двух «связанных», хотят править миром единолично... Ты ведь что-то об этом знаешь, не правда ли?

Он помолчал, ожидая ответа.

– И что там случилось с МГУ? Мы дико переволновались, ты не перегнул ничего? В определенных кругах было уже мнение, что тебя пора пытаться «мочить», хотя честно говоря, никто не знает, как.

Инопланетянин не был готов сменить тему.

– Понимаешь, Федь, музыка мертва по определению, живо лишь исполнение, и то если только чувак это понимает, – как ни в чем ни бывало, продолжил повествование пришелец.

– Какой чувак? – с досадой переспросил президент, – эта тема сейчас была явно некстати.

– Как какой чувак? – в свою очередь огорчился «проводник». – Да ты меня не слушаешь, Фёдор. Ну, тот... с дуд-

кой, в переходе. . . – пытаясь удержать мысль, продолжил было Зак. И наконец, потерявшись, демонстративно сплюнул и воскликнул: – Ну, вы тупые все, как пробки, точно. Вся ваша никчемная раса. И особенно вы, политики, никого никогда не слышите, а сами несете какую-то ахинею, – на этих словах он многозначительно покрутил пальцем у виска, – «буль, буль, буль» – одна вода, – подытожил инопланетянин.

– Извини, Загди Уджа-Гаарович, – добродушно развел руками Михаил Фёдорович, ты пойми. Я ж как бы «при исполнении», работа такая. А ты вот не мог бы хоть малость держаться, так сказать, «в правовом русле»? Ну что ты натворил с МГУ сегодня? Мои бойцы уже хотели тебя ракетой «сшибить», с воот такой большой головкой, – и Президент широкого развел ладони, как заправский рыбак, показывающий пойманную рыбу, – еле удержал. А мы ведь знакомы уже сколько. . . Ты же практически уже русский! Давно тут у нас, может, тебе гражданство пора и паспорт, а? И перестань называть меня «Федя», я «Миша».

– Боже, – взмолился Зак, – да это же такие условности. Федя, Миша, какая разница, ну, – он по-детски широко открыл глаза и уставился на главу Российской Федерации.

В этот момент на улице где-то далеко раздался низкий протяжный хлопок, задрожали окна, и в вечерней тишине завывали сирены припаркованных машин. Михаил Федоро-

вич, чуть вздрогнув, медленно поставил недопитую чашку на стеклянный столик и вопросительно посмотрел на Зака.

– Это то, о чем ты говорил? Да?

– Да, Миша, у вас есть максимум 15 минут.

Президент поднял трубку телефона, что стоял неподалеку.

– Оперативную группу, срочно. Да. Все полномочия. Докладывайте мне лично.

Во все мировые средства массовой информации полетела молния:

«Несколько минут назад в 20:17 в районе Строгино города Москвы упал и взорвался неопознанный летающий объект. Две трети жилых домов полностью разрушены... Огромная воронка... Территория оцеплена... Телефон горячей линии...»

Глава 13

Прочертив в ночном небе столицы яркую, пылающую незабываемо красивым каскадом искрящихся огней траекторию, «другой» рухнул на спящий город. Его не заботила судьба маленьких несмышленных жителей этого мира, однако ему нравилось чувствовать неизмеримое превосходство, нравилось быть для них богом. Выбравшись на четвереньках из самого центра образовавшейся при приземлении воронки и насладившись вдоволь масштабами разрушений, он довольно закрыл глаза и вдохнул земной воздух.

Постоял так немного и, пошатываясь, цепляясь своими еще слабыми, неокрепшими руками за остатки бетонных стен разрушенных домов, пошагал прочь как можно дальше. Ему нужно было некоторое время, чтобы прийти в себя. Материализация никогда не давалась легко, к ней невозможно было привыкнуть. Боль, проникающая и заполняющая собой все существо, перемешивалась в эти мгновения с дурманящей сладостью неопишуемого блаженства. Это был полный букет ощущений, и Кенша-Тогур (так звали новоиспеченную свалившуюся с небес звезду), забравшись глубоко в одну из расщелин между разбросанными повсюду строительными блоками, затих, ожидая завершения трансформации.

Тем временем, уже несколько хорошо экипированных групп вооруженных людей работало в районе. Они внимательно, метр за метром прочесывали местность, ища выживших и, главное, подозрительных людей.

Валентин Петрович, начальник отдела особых ситуаций, шёл в одной из них. В его руке тёмным пятном замер пистолет. Приказ был неумолим: «уничтожить всех подозрительных». Они спешили, до «фазы два» осталось меньше семи минут. Споткнувшись о торчащий из земли кусок арматуры, Рябинин еле слышно чертыхнулся.

«Петрович», – прошептал идущий рядом боец и положил ему руку на плечо.

Из-за угла дымящегося разрушенного дома шёл нетвердой, но совершенно спокойной походкой мужчина средних лет. Неумело насвистывая одному ему понятную песенку, он беззаботно размахивал подобранной где-то кривой палкой.

– Добрый человек, вы из Москвы? – быстро поравнявшись с ним, прямо спросил Рябинин, вцепившись глазами в лицо незнакомца, – паспорт есть?

– «И снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная сибева...», – резко сменив мелодию, неумело запел прохожий и, закинув голову, посмотрел в затянутое серыми облаками ночное небо. Застыв на секунду, он прекратил петь и опу-

стил тяжёлый невидящий взгляд на Рябинина.

Тот вздернул руку и молча выстрелил рок-исполнителю прямо в лицо. Брызнула во все стороны кровь, и тело мужчины мешком рухнуло наземь.

— Идиот, — непонятно на кого в сердцах выругался начальник особого отдела и с досадой сунул оружие в кобуру.

Полковник Рябинин не был сентиментален. Он никогда не ощущал так свойственную многим людям потребность в каких-то обязательных и важных заключительных словах, на любом слове мог легко прекратить даже самый пылкий и возбужденный монолог и, как ни в чем ни бывало, спокойно сменить тему... или начать убивать.

Да, эта часть его жизни проходила в каком-то полубессознательном состоянии. В этот момент полковник не думал ни о чем. Многим его молчание дорого стоило. Для врага он был непредсказуем и страшен. Бил всегда без подготовки, без замаха, с ближней руки и одновременно шагая напролом, не давая возможности опомниться и перегруппироваться. При этом ни один мускул на его лице не приходил в движение. Он был безмятежен и, казалось, даже как-то рассеян. Ни гнева, ни раздражения, ничего... Только еле уловимая дрожь, словно рябь на воде в закипающем чайнике.

Наручные часы осторожно пискнули.

– Фаза два, – тут же громко и отчётливо проговорил Рябинин в микрофон рации на плече.

«Другой» явился в образе мужчины средних лет с чуть выющимися нестриженными волосами. Этот типаж всегда настраивал людей на нужный лад. На вид он был худощав и слегка изможден, что выгодно определяло его как человека волевого и «духовного».

Выбравшись из своего укрытия, Кенша-Тогур отряхнул пыль с серой и неброской тоненькой курточки, заправил в штаны выскочившие полы белой полотняной рубахи и, оставшись доволен, не спеша тронулся в путь. Он знал, что нет необходимости торопиться сообщить людям о своём пришествии, ведь они и так ждут его, надеются и верят.

Завернув за угол, Кенша остановился. На открывшейся его взору площади горел яркий свет от мощных прожекторов, гудели генераторы, всюду царила суета, сновали туда-сюда машины «скорой», МЧС, санитары с носилками.

Для людей выбор между добром и злом трагичен. «Другой» легкой, аккуратной походкой обошёл большую красную пожарную машину и оказался у группы медиков, склонившихся над лежащей на носилках девушкой. Встав за их спинами, он обратил внимание на нескольких заплаканных женщин рядом. Вполне неплохо, решил Кенша-Тогур, буквально прочувствовав всем своим безграничным разумом даль-

нейший ход событий.

Он поднял голову к небу и картинно закрыл глаза. Затем, опустив «просветленный» взгляд, непререкаемым жестом руки освободил себе дорогу и шагнул к лежащей девушке.

– Иди ко мне, дочь моя, – громко и членораздельно произнёс Кенша, раскрыв объятия.

В этот момент пульсация его сердца пронзила Вселенную, слившись с этим маленьким лежащим существом. Да, он мог многое. «Проводник» вернул Наташу Демченко к жизни почти без усилий. Она удивлённо моргнула карими глазками, отстранив врачей, встала и благодарно бросилась в объятия пришельца. В объятия Кенши-Тогура.

– Боже мой, – уронив сумочку, воскликнула одна из стоявших рядом женщин, – кто же ты такой?

– Слава тебе, господи, – вторила другая...

Глава 14

Тем временем на Зубовском бульваре в квартире профессора полным ходом шло совместное осмысление произошедших за день событий. Когда полковник Рябинин, пробыв немного, ушел, вся честная компания прилегла отдохнуть и задремала. Они отключились буквально на полчаса, но, проснувшись, так и не смогли вернуться к новым «реалиям». Никто не понимал, а вернее не хотел понять, почему все собралось здесь – у профессора дома. Пошел долгий и томительный разговор. Как и положено в таких случаях, самой ходовой версией произошедшего стало совершенно здоровое предположение, что имело место не что иное, как групповое временное умопомешательство.

Вся троица единодушно сошлась на слове «временное», потому как «сейчас» никто себя идиотом не чувствовал. Они настолько были поглощены своей беседой, что не обратили внимания, как «ухнуло» что-то за окном и задрожали готовые выпрыгнуть стекла. Телевизор они, конечно, не включали, а радио не было и в помине. Так наши друзья остались в абсолютном неведении о произошедшей в Строгино трагедии. Они, как и принято у людей, продолжали считать себя центром вселенной, а значит все самое важное могло случиться и случилось, конечно, именно с ними.

Меньше всего повезло Николаю Ивановичу. Андрей и Маша единодушно решили, что это он, профессор, проводит над ними, бедными студентами, свои нечеловеческие опыты и настаивали на «признании».

Прикусив нижнюю губу и пристально уставившись на Запольского, Андрей нервно постукивал пальцами по столу. Его с Машей раздражало и беспокоило явное нежелание учителя сознаться в содеянном.

– Николай Иванович, эта «карусель со стиралкой» ни в какие ворота не лезет... Уже пора заканчивать, вам не кажется?

– Милые мои, давайте будем реалистами. Не нужно заменять реальность вымыслом, даже несмотря на то, что мы не знаем, что произошло. Повторяю – я ничего подобного не делал и не смог бы, даже если бы захотел. Мне не меньше вашего интересно, что за чертовщина творится с нами, – совершенно спокойно произнёс Николай Иванович.

– Андрюш, он прав, – вступилась за профессора Мария, – не нужно придумывать небылицы, оставим вопросы открытыми, так даже интересней, – неожиданно для всех заключила она.

– Интересней? – поднял брови Дрюня, – интересней, когда знаешь ответ. Нас кто-то «имеет», а ты говоришь – «так интересней». Забавно.

Тем временем Загдир Уджа-Гаарович, погруженный в свои мысли, поднялся по ступенькам на шестой этаж к «хате» профессора и остановился, вспоминая, зачем и куда пришёл. Он вытянул вперёд губы и выпучил, округлив, глаза, будучи абсолютно уверен, что это поможет. Так и вышло. Увидев внутри своей головы образ мальчика, Маши и солидного дяди, он искренне обрадовался. Эти трое были очень милы и вызывали у него тёплые приятные чувства.

Тем не менее ощущение собственного места в пространственно-временном континууме не работало. Не желая разбираться с этими слишком уж хитрыми и тонкими материями, Зак на старинный манер стал с размаху долбить носком ботинка по дощатой двери квартиры профессора.

Загдир настолько увлекся и даже почти вошёл в транс под собственный равномерный стук, что не заметил, как этажом выше вышла и стала возмущаться раздраженная грохотом соседка. И только когда в дверном проеме показался Николай Иванович, обладавший недюжинной реакцией, пришелец наконец-то остановил занесенную для удара ногу.

Из-за спины профессора осторожно выглянули удивлённые и одновременно испуганные Андрей и Маша.

– Ну что, заговорщики, соскучились? Пару блинчиков

мне не оставили? – обрадовался встрече инопланетянин, широко добродушно улыбнулся и вошёл в квартиру.

– Я же говорил, что это не я, – рассеянно проговорил профессор, пропуская пришельца внутрь.

– Конечно, не он, а кто же ещё, – живо отреагировал Зак, внимательно оглядывая притихших друзей, – значит так, пойдёмте на кухню, потолкуем за жизнь.

Когда вся компания разместилась на старых скрипучих табуретах, «проводник», согласно древней русской традиции, начал разговор «издалека»:

– Чтобы узнать, насколько я могуществен, поделите 3 на 17. Волею множества вселенных империи Уджа-Гаара я призван сюда творить правое дело, аз есмь альфа и омега, аминь, пацаны, – при этих словах пришелец привстал и зачем-то отвесил глубокий поклон.

Совершив сие признание, он обвел всех торжественным взглядом и грохнулся устало обратно на табурет.

– Сильно сказано, только что бы это значило, ежели всё-таки конкретно? – настороженно переспросил Соломатин.

– Андрей, я должен тебя убить, – малость замявшись, произнёс пришелец.

– Как убить? – прошептала Маша.

– Как, как... Ну «завалить», «замочить к чертям собачим», – пояснил "проводник" и в наступившей тишине продолжил: – Но я должен сказать, что чрезвычайно рад тому

обстоятельству, что по счастливой случайности не сделал этого ещё там, на Воробьевых кручах. Хоть успели поближе познакомиться, чему я очень и очень рад.

– А давай мы тебя лучше «грохнем»! – возмутился Андрюха, – с какой такой стати ты тут командуешь?

– А меня-то за что? – искренне и неподдельно удивился Зак.

– Что ж ты сразу тогда не сделал? – включился в разговор профессор, – это что – гуманизм или мягкотелость, приятель?

– Потому что с дятлами «типа скворец» меньше надо разговаривать, Андрей... Твой неокрепший, ещё "связанный разум" перепутал тебя с птицей и остался сидеть на ветке, пока ты ходил зачёты сдавать. Мы когда сюда на хату мимо шли, я все понял и полез в дупло убедиться, но "связанный" в тот момент узнал-таки хозяина и вернулся к тебе, Андрюшка Соломатин. «Мочить» тебя надо, пока не окреп, – завершил повествование инопланетянин.

– Допустим, – сжав кулаки, сказал Андрей, – че ж ты сидишь тут трепишься, как баба?

– Да ты огорчился что ль, Андрюх? Это же для блага всего человечества нужно, – с недоумением произнёс Зак.

– Зак, милый, давай ты не будешь никого убивать, – голос Маши наполнился отчаянием.

– Я не могу «не убивать», Маш, это же должностное пре-

ступление, это просто невозможно. Я же «проводник», – с досадой произнёс пришелец – ну, если только немного отложить...

– Ну, вот и чудно, – вмешался в разговор Николай Иванович, – давайте отложим это на неопределенное время... Думаю, человечество потерпит пока, а там, глядишь, что-нибудь придумаем.

– Да, друзья, на самом деле все гораздо сложнее, – серьёзно произнёс Зак, – Вот что. В свете изменившихся обстоятельств я оставляю Андрея в живых и более того, постараюсь, чтобы его жизни ничего не угрожало.

Пришелец посмотрел на оцепеневшего Соломатина.

– Возможно, ты, парень, станешь единственной надеждой для людей на этой планете, – инопланетянин многозначительно помолчал и, обращаясь уже ко всем присутствующим, сказал: – Посмотрите пока телевизор, а мне нужно подумать...

На этих словах «проводник» встал, громынул табуреткой, прошёл в соседнюю комнату и бесцеремонно завалился на кровать профессора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.